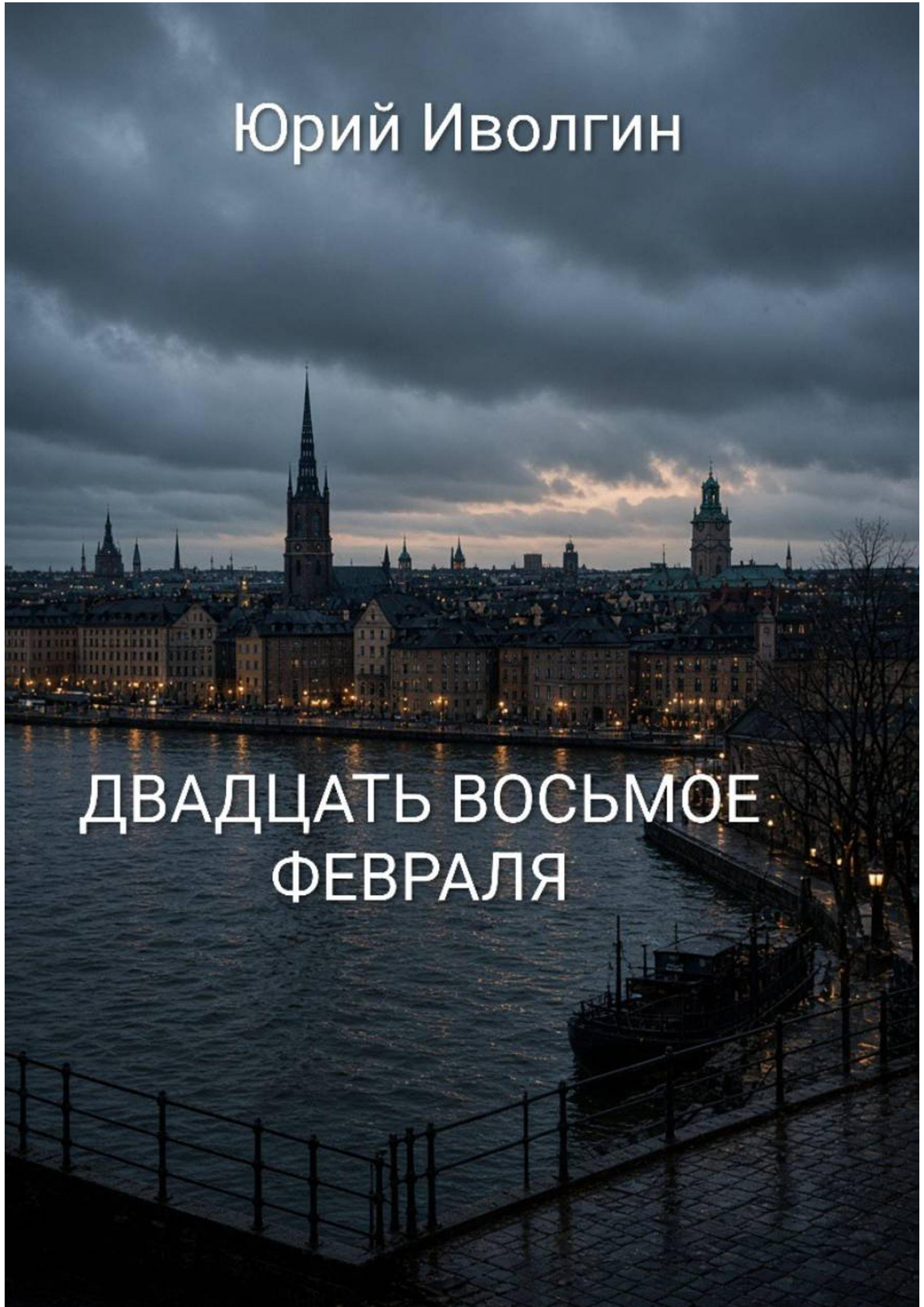

Юрий Иволгин

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ
ФЕВРАЛЯ

Юрий Иволгин

Двадцать восьмое февраля

«Автор»

2026

Иволгин Ю.

Двадцать восьмое февраля / Ю. Иволгин — «Автор», 2026

28 февраля 1986 года. Поздний вечер. В тихой североευропейской столице на глазах у случайных прохожих застрелен премьер-министр Таге Улафсон. Убийца спокойно уходит. Полиция опаздывает. Страна в шоке. Молодой сенегальский журналист Абат Диуф становится одним из немногих свидетелей. Комиссар Ян Рагнер получает громкое дело и сразу делает ставку на удобный «курдский след». Его заместитель, инспектор Аксель Седерстрём, и тележурналист Андерс Ларссон начинают собственное расследование — и очень быстро понимают, что официальная версия трещит по швам. За убийством скрывается куда более сложная игра: незаконная торговля оружием, интересы крупных промышленных групп, тайные связи внутри полиции и люди, для которых нейтралитет страны — всего лишь удобная вывеска. Чем ближе следователи подходят к правде, тем выше становится цена, которую им придётся заплатить. Роман о том, как легко в благополучной стране заменить правду удобной ложью, а совесть нации — холодным расчётом.

© Иволгин Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ИРАК. Декабрь 1985 года	17
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юрий Иволгин

Двадцать восьмое февраля

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Амат Диуф полной грудью вдохнул чистый, по-весеннему свежий, но морозный ещё воздух.

Было двадцать восьмое февраля тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Поздним вечером двадцатидвухлетний студент-журналист из Сенегала прогуливался в своё удовольствие по улицам столицы.

Вот уже несколько недель он гостил в этой североευропейской стране, такой тихой и уютной. Ему очень нравился повсеместно царящий тут неспешный уклад жизни, по душе приходился комфорт, чувствовавшийся везде и во всём. Забудется ли когда-нибудь столица, вся в ярких огнях? Забудутся ли небольшие городишки со взметнувшимися вверх иглами церковных шпилей, красными черепичными крышами домов, и дышащее постоянной прохладой морское побережье?

Но Амат всё же был африканцем, и ему очень досаждала сырая, промозглая погода - это извечное проклятие севера Европейского континента.

А сегодня - в последний календарный день зимы - Амат к радости своей почувствовал в воздухе едва уловимые весенние запахи - верный признак пробуждения природы от холодов и спячки. Не только он один - вот потому и не было сегодня отбоя от гуляющих - люди жаждали насладиться первым незимним вечером, примерить хорошенько подзабытые за последние месяцы демисезонные наряды.

Но не одна лишь только наступающая весна заставила горожан покинуть стены своих домов. Была пятница - время, предшествующее уикэнду и любимое многими.

Уже около одиннадцати вечера Амат случайно оказался у кинотеатра "Гранд". Только-только закончился очередной сеанс, и разодетые не по-будничному зрители шумной толпой выходили на улицу. Бросив на неё безразличный взгляд, Амат едва не вскрикнул от неожиданности. Ну конечно! - сомневаться не приходилось: чуть поодаль стоял человек, многократно виденный им в газетах и по телевидению - премьер-министр страны Таге Улафсон. А рядом с Улафсоном - его супруга Элис. Оба они беззаботно болтали с высоким, лет тридцати, молодым человеком, во всём облике которого явственно угадывалось некое внешнее сходство с самим премьер-министром. Под локоть тот поддерживал стройную рыжеволосую девушку, одетую в яркую спортивную куртку. Некоторые, узнавая Улафсона, на мгновение замедляли шаг, но большинство прохожих равнодушно следовало мимо, будучи занято своими мыслями, делами и заботами. Лишь один только невыразительного вида мужчина, покуривая, внимательно наблюдал за непринужденно болтающей четверкой. Очень скоро те, что были помоложе, распрощались с Улафсоном и его женой. Быстрыми шагами они направились в одну сторону улицы, а премьер-министр с супругой пошли в противоположную.

Досужие журналисты давно заметили за премьер-министром небольшую слабость - любовь к пешим прогулкам. Хотя это и редко удавалось, но всякий раз он с завидным упорством стремился отделаться от навязчивой опеки охраны. Милостью судьбы став свидетелем редкой удачи Улафсона, Амат от всей души подивился естественности и простоте, которую, казалось, излучала сама фигура известного политика. Диуфу впервые выпало собственными глазами видеть лидера целого государства, но невольно создавалось впечатление, что встретил он старого знакомого.

Молодой африканец огляделся по сторонам. Улица жила своей обычной, размеренной жизнью. Люди то и дело сновали туда-сюда, в большинстве парами и маленькими группками; по проезжей части одна за одной бежали машины. Совсем рядышком, у магазинной витрины горячо спорили друг с другом два немолодых уже приятеля. Из дверей кафе вышла парочка влюблённых, а у шикарной спортивной машины красного цвета стояли и болтали о чём-то, жестикулируя время от времени, трое мужчин. Оснащённый рацией, перетянутый белой португеей, взад-вперёд прохаживался бравый полицейский. Сколько ни старался, Аमत так и не смог заметить ни одного человека, хотя бы отдалённо походившего на агента спецслужбы.

Тем временем, привычно не обращая внимание на редкие любопытные взгляды прохожих, чета Улафсон дошла до ближайшего перехода и остановилась в толпе, покорно дожидаясь перед светофором своей очереди.

Аमत двинулся следом. Прямо навстречу ему с незажжённой сигаретой шёл тот самый полицейский с рацией. Предусмотрительный Диуф полез было в карман за зажигалкой, однако страж порядка проследовал мимо, даже не удостоив его взглядом.

Зажёгся зелёный свет. Вместе с толпой Аमत тоже перешёл улицу. На противоположной стороне народу оказалось поменьше, и он намеренно отпустил Улафсона и его жену на почтительное расстояние.

Через какую-то сотню метров Диуфа обогнал мужчина. По росту, одежде и осанке Аमत без труда узнал в нём виденного у кинотеатра доходягу. Поскольку представить такого в роли агента службы безопасности было тяжело, очень скоро африканец попросту и думать забыл об этом человеке, так как всё его внимание было приковано к маячившей впереди паре.

А Улафсон с женой тем временем не спеша подходили к перекрёстку главной улицы с неширокой Туннельвэг, упиравшейся в выдавшую виды лестницу, ведущую в головокружные лабиринты Старого города. Недавно муниципальные власти затеяли здесь реконструкцию, о чём свидетельствовал занимавший добрую половину ширины Туннельвэг вагончик строителей-реставраторов, примостившийся к самому тротуару. Тут Диуф привычно пошарил по карманам и с досадой обнаружил, что кончились сигареты. На его удачу неподалёку оказался газетный киоск, и Аमत решил, что не будет ничего страшного, если он задержится на минутку. Быстро купив пачку, он сорвал с неё целлофан, достал сигарету и, повернувшись лицом к проезжей части, начал прикуривать. В этот момент мимо него бесшумно промчалась, резко сбросив скорость у перекрёстка, красная спортивная машина. Огромная, мощная, благородно отсвечивавшая своими холёными лакированными боками бесчисленные рекламные огни, она выигрывало выделялась в потоке разных “тойёт”, “вольво” и “мерседесов”. Мгновение спустя двигатель автомобиля-красавца уже опять набирал обороты.

Оторвав восхищённый взгляд от необыкновенной машины, Аमत вспомнил об Улафсоне и посмотрел вперёд. Премьер-министр с супругой успели уйти уже на довольно-таки приличное расстояние, сворачивали теперь налево, и будущему журналисту пришлось прибавить шаг.

Порой случается так, что человек заранее начинает чувствовать надвигающееся несчастье. Позже, оставаясь наедине сам с собой, Аमत не раз вспоминал, в какой именно момент им овладела леденящая душу тревога. Хотя столь ли уж это важно?..

Перекрёсток был совсем рядом, когда Диуф отчётливо увидел, как на перерез премьер-министру и его жене быстро движется третья фигура, высокая, стремительная, а вверх по лестнице спешат прочь несколько мужчин. Амату сразу пришёл на ум человек, недавно обогнавший его: этот, идущий от магазинной витрины, был виден очень хорошо и сильно напоминал незнакомца. Хотя?..

Неизвестный догнал премьер-министра и, как ни в чём не бывало, положил ему руку на плечо, так, как если бы хотел привлечь внимание Улафсона на обронённый им бумажник. Но премьер не успел обернуться - как гром среди ясного неба прозвучал выстрел... затем второй...

Улафсон и его жена упали, а неизвестный стоял ещё некоторое время над ними, будто силился, но не мог осознать смысл происшедшего. Потом спокойно обошёл лежавшего на земле премьер-министра и, сначала трусцой, затем всё быстрее и быстрее побежал по направлению к лестнице, в следующую минуту потерявшись в темноте.

Вокруг засуетились, забегали в разных направлениях люди - ещё никому не ведомо было, что произошло. Амаат же, ошеломлённый и подавленный разыгравшейся на его глазах трагедией, стоял на месте, как вкопанный.

Бесстрастные стрелки больших уличных часов показывали двадцать одну минуту двенадцатого.

Г л а в а 2

Телерепортёр Андерс Ларссон возвращался домой на автобусе. Сегодня пришлось основательно подзадержаться в студии - в спешном порядке приходилось заканчивать работу над фильмом об ирано-иракском конфликте. Дел было выше головы - как и следовало ожидать, Ларссону настоятельно порекомендовали убрать из ленты ряд фрагментов.

Но Андерс считал фильм своим детищем. Резал по живому, потому работа шла медленно. Настроение было хуже некуда. А сражаться бесполезно - не мальчик уже в своём деле, он прекрасно знал это. Работая в Багдаде и Тегеране, Ларссон совершенно случайно вышел на довольно неприглядные факты участия бизнесменов и военных его родной нейтральной страны в разжигании и поддержании конфликта путём незаконной продажи оружия в район Персидского залива. Правда в фильме об этом упоминалось вскользь, но сверхосторожному Уле Хюландеру того **уже** было достаточно с лихвой - ведь и включённый в ленту материал мог кое-кому сильно не понравиться.

Андерсу совсем недавно перевалило за тридцать, и он считал, что едва лишь начинает “подавать надежды” в журналистике. Так оно и было на самом деле, потому тягаться с Хюландером означало только делать хуже себе. Скрепя сердце, Ларссон решил согласиться с мнением дирекции. Собственное благополучие - стоит ли им рисковать, рассуждал он.

Однако впереди были выходные: его беспшабашная жизнь продолжалась, и Ларссон как мог старался отвлечься от неприятных дум - он смотрел в окно, смотрел по сторонам... Стрелки часов клонились к двенадцати, а потому и пассажиров в автобусе почти не было - только пять-семь попугайчиков.

На одной из остановок, что в самом центре города, в полупустой автобусный салон ввалился мужчина неопрятной, прямо таки отталкивающей наружности. Тяжёлый, злобный взгляд из-под косматых бровей, короткая бычья шея, казавшаяся неохватной. Одет он был в пёструю до оляповатости рубаху и спортивного покроя куртку. В глаза сразу бросилась недлинная, специфическая какая-то причёска.

И ещё одна деталь врезалась в память Ларссону: совершенно чётко разглядел он в руках у неизвестного небольшого размера предмет - переносную рацию “уоки-токи”. Уж очень она назойливо привлекала внимание к себе и к своему владельцу. Невольно создавалось впечатление, будто странный пассажир только что закончил бег на невероятно трудной дистанции: он тяжело и часто дышал.

Автобус проехал ещё две или три остановки. Незнакомец подошёл к дверям; и тут он поймал на себе изучающий взгляд Ларссона. Андерсу показалось, будто пассажир стушевался, сжался весь, словно мелкий воришка, застигнутый на месте преступления...

Двери автобуса открылись, и незнакомец быстро сбежал по ступенькам, уже с тротуара одарив недружелюбным и одновременно испуганным взглядом удивлённого Ларссона. Автобус почему-то не спешил трогаться. Заинтригованный странным поведением человека в спортивной куртке, Ларссон успел заметить, что его недавний попутчик уверенно направился к машине, припаркованной рядом с остановкой. То была белая “вольво”.

Г л а в а 3

Первого марта прямо среди ночи в квартире начальника городской полиции Яна Рагнера раздался телефонный звонок.

К счастью ещё, что аппарат стоял прямо в спальне. Проснувшись, Рагнер несколько мгновений предавался неге, свесив с кровати ноги и протирая заспанные глаза - он как бы раздумывал: нырнуть ли снова под одеяло или всё ж таки взять трубку.

Однако телефон в ночной тиши трезвонил так истошно и так настойчиво, что Рагнер окончательно очнулся ото сна. Он бросил сожалеющий взгляд на часы - половина третьего.

- Чёрт бы их всех побрал, - в сердцах пробубнил Рагнер, беря в руку трубку. Каким-то непостижимым образом он уже догадался, что звонят со службы. - Алло!

- Это вы, комиссар? Доброе утро.

- Доброе, доброе, Аке, - проворчал Рагнер, вновь бросая сожалеющий взгляд на светящийся циферблат часов. - А что, по-вашему уже наступило утро?

Звонил Аксель Седерстрём, дежурный офицер Управления полиции. К столичным стражам порядка последнее время у властей было особенно много нареканий, поэтому, выбирая между личным спокойствием и служебной карьерой, Ян Рагнер не без внутренних колебаний выбрал последнее и сам же просил сообщать ему о каждом мало-мальски серьёзном происшествии в любое время дня и ночи. Злиться было не на кого.

- Ну так что же вы молчите, инспектор? Или вы просто решили, подняв с постели, тепло поприветствовать меня? Что же всё-таки у вас стряслось?

По мере того, как свежела голова, Рагнер всё более явственно осознал: произошло нечто **действительно** выходящее из ряда вон. Ну так какого же рожна молчит этот Седерстрём!

- Комиссар. Вчера вечером убит Таге Улафсон.

Рагнер не захотел верить своим ушам.

- Что-что!?!..

- Вчера вечером в упор был застрелен премьер-министр!..

* * *

Комиссар Рагнер сидел за рабочим столом и нервно курил. Перед ним лежала полуупотреблённая за несколько часов пачка сигарет “Лаки страйк” и всё немного, чем на тот момент располагала полиция по делу об убийстве Таге Улафсона: фотографии трупа и места преступления да массивная пуля от револьвера “Смит энд Вессон.”

Напротив комиссара восседали инспектор Седерстрём, назначенный заместителем начальника специальной следственной группы по расследованию убийства премьер-министра, возглавлять которую отныне предстояло ему, Рагнеру, старинный приятель Рагнера Суне Петерсон да муниципальный советник Густав Мальм, курировавший полицию. Все четверо выглядели порядочно измотанными, осунувшимися; даже Мальм, всегда выложенный, выбритый до синевы, на сей раз был буквально поднят по тревоге и, конечно, думать позабыл о своём внешнем виде.

Суне Петерсон в этом кабинете был, вообще говоря, гостем незванным. Никто уже не помнил, с чего так повелось, но бывший журналист, давно порвавший с пишущей братией и нашедший себя в книгоиздательском бизнесе, считался своим человеком во всех без исключения властных коридорах. С комиссаром Рагнером его тоже связывали тесные приятельские отношения, хотя сегодняшнее - ни с того ни с сего - посещение определённо выводило комиссара из себя. Но спроси кто Рагнера, что же заставляет его в такую минуту терпеть присутствие Петерсона в кабинете, комиссар скорее всего просто пожал бы плечами.

Как бы там ни было, но отчаянный малый Суне Петерсон, издавна обуреваемый маниакальной страстью к расследованию самых тёмных историй, привычно чувствовал себя хозяином положения. Его присутствие здесь нисколько не удивляло ни инспектора Седерстрёма, ни советника Мальма. Да и до Петерсона ли было в то утро?

Комиссар пристально смотрел в лицо инспектору; руки его, действуя будто бы независимо от хозяина, лихорадочно теребили пачку сигарет. Самонадеянный мальчишка, чистоплюй с университетским образованием, неисправимый теоретик, - не уставал соглашаться с самим собой Рагнер, - вдобавок ко всему Седерстрём даже не считает нужным скрывать своих левых политических взглядов. А разве ж годится так себя вести полицейскому! И наградил же нечистый помощничком! Нет, у Рагнера определённо были другие взгляды на сей счёт. Но начальству виднее, а он - старый служака - привык беспрекословно подчиняться начальству.

Пару часов назад Рагнер вдруг с удивлением обнаружил, что бывшего равнодушия к Таге Улафсону как к политической фигуре отныне у него нет и в помине - напротив, с момента назначения на пост руководителя специальной следственной группы комиссар стал чувствовать к покойному самую настоящую неприязнь. Но для дела это как ни странно сослужило неплохую службу, поскольку Рагнер с завидным усердием взялся за работу, прекрасно отдавая себе отчёт в том, что о нём непременно заговорят, о нём будут писать. Он ещё будет купаться в лучах славы и с лёгкостью преодолеет очередную ступеньку своей служебной карьеры... Да, но вот что касается Улафсона?... Комиссар с ужасом гнал от себя эти странные мысли, а они вновь и вновь лезли в голову... По совести рассуждая, он, полицейский комиссар Ян Рагнер, **в какой-то мере** был солидарен с преступниками... От такой откровенности с самим собой его прямо в дрожь бросало, и комиссар тщетно пытался убедить себя, что всё - от неизведанного доселе перенапряжения.

А с Седерстрёмом ещё предстоит помучиться. Ну да ладно, ничего тут не попишешь - посмотрим что-то будет дальше, решил Рагнер.

- Так вот, господа, - прервал он всеобщее молчание и закурил новую сигарету, - выстрелы были сделаны из пистолета “Смит энд Вессон”; сами понимаете - очень распространённая система, что существенно осложняет дело. Зато повезло с пулей - пуля необычная.

- Чем же? - счёл за благо поинтересоваться Мальм - единственный дилетант в этой милой компании.

- Внимательно посмотрите на неё, герр советник. Видите? Она снабжена медным наколочником. Обычная, серийная пуля просто заключена в стальную или медную оболочку. У этой же, как вы сами можете убедиться, на головке настоящий набалдашник.

- Премьер-министра не спас бы и бронежилет, будь он на нём в ту минуту. Такой наколочник хоть и уменьшает дальность стрельбы, зато значительно увеличивает убойную силу пули, - прервал комиссара инспектор Седерстрём.

Комиссар посмотрел на наглеца с плохо скрытым раздражением и глубоко затянулся сигаретой.

- Следует полагать, что мы не только имеем дело с тщательно спланированным и подготовленным убийством, - как ни в чём не бывало продолжал инспектор, - но вдобавок с очень опытным, матерым, можно сказать, преступником. Мы получили бы прекрасный шанс, если б смогли найти оружие преступления - тот самый злосчастный “Смит энд Вессон”.

- Вы совершенно правы, инспектор. Соответствующие меры принимаются, указания уже даны. Сейчас наши люди обшаривают всё что только можно, даже мусорные баки и канализационные люки. Для поисковых работ под водой я распорядился привлечь специальный отряд водолазов, - Рагнер бросил небрежный взгляд на каминные часы. - Должно быть, сейчас работы уже ведутся. Что же касается пули, то в нашей коллекции их примерно шестьсот, но ни одна не похожа на эту.

- Господин комиссар, Карл Фредериксон из “Экспресса” просит вас принять его, - донёсся из стоящего на столе Рагнера переговорного устройства голосок его секретарши.

- Опять... Бог мой, Кларин! Я же, кажется, просил вас! Никаких газетчиков, никаких интервью! - раздражённо надавил на кнопку хозяин кабинета. - Скажите ему, что я сейчас очень занят. Слышите: очень! Поэтому никак не смогу его принять.

- Да, но он...

- Кларин!

- Окей, шеф.

- Вот видите... Просто какое-то нашествие журналистов. Который уже за сегодня, - попенял на судьбу комиссар, отключая микрофон.

- Вы должны учесть огромный интерес к расследованию со стороны наших сограждан, комиссар, - проговорил Мальм. - Не пора ли нам с вами подумать о пресс-конференции?

- О пресс-конференции!? Так ведь её надо ещё мало-мальски подготовить, а мы все сейчас страшно заняты, вы знаете.

Не сговариваясь, присутствующие почему-то сразу устремили взгляды на Седерстрёма, и тот в полной мере осознал свою обречённость.

- Да, но... - робко попробовал спасти себя инспектор. Однако полиция - организация полувоенная. И Седерстрём, вздохнув, изо всех сил постарался изобразить на лице готовность. Хотя что там ни толкуй - дело предстояло не из приятных.

- Кажется, инспектор Седерстрём лучше всех сумеет справиться с этой нелёгкой задачей, - предложил, как черту подвёл Мальм.

- Что ж, инспектор. В таком случае не смею больше задерживать, - развёл руками Рагнер. - Попрошу вас только воздержаться от скороспелых выводов и - успехов, Аке.

- А мне, пожалуй, пора в муниципалитет. Надо ещё подготовить доклад и предложения в правительство по будущему составу следственной группы, - сказал, вставая, Мальм. - До встречи, комиссар...

Когда они остались вдвоём, Рагнер остановил взгляд на Петерсоне, не проронившем за всё время беседы ни единого звука, глубоко затаился, слегка сощурился и выпустил изо рта большой клуб дыма. “Ладно, - сказал он сам себе, - пускай пока газетёнки трубят со слов инспектора всё, что господь на душу положит. Слава от меня никуда не убежит. А сейчас главное - выработать рабочую версию - надёжную, **свою**. И ещё очень важно, чтоб умник Седерстрём не болтался под рукой. Инспектор - креатура либерала Мальма - всё равно плохой помощник. По сему нужно как можно быстрее посоветоваться с надёжными ребятами.”

И с этой мыслью Рагнер решительно раздавил в пепельнице окурок.

Суне Петерсон чужих мыслей читать не умел. Да и не испытывал абсолютно никакого желания проникнуть в душу комиссара и разузнать, что там творится. Он с отрешённым видом смотрел, как Рагнер докуривает очередную сигарету. Петерсону никак не давала покоя своя собственная смелая идея.

Г л а в а 4

У комиссара Рагнера от усталости слипались глаза. Да ещё и в висках начинало ломить безбожно - за всю долгую и многотрудную полицейскую карьеру ему не приходилось пока работать с таким упорством ни над одним делом. И вот уже несколько минут комиссар сидел абсолютно неподвижно, тупо уставившись в лежащий перед ним на столе чистый лист бумаги.

Давно наступила ночь, и желание наплевать на всё и отправиться домой спать становилось непреодолимым.

А день-то выдался какой странный, сумбурный - этот первый весенний день. Он безжалостно тревожил, бередил душу самыми разными неожиданностями и неувязками.

Рагнер поморщился как от зубной боли.

Комиссар отлично понимал, что вся подчинённая ему столичная полицейская машина в очередной, который уже раз, дала сбой. Но почему?

И Рагнер вновь и вновь пытался анализировать известные обстоятельства убийства премьер-министра - досадные ошибки подчинённых никак не давали ему покоя. Система оперативного оповещения полицейских патрулей не сработала. **Почему?** Не было своевременно оцеплено место преступления, и убийца получил реальную возможность скрыться. **Как могло произойти такое?** А система общегосударственной тревоги - та вообще была включена только три часа спустя, в то время, как журналистские телетайпы принялись разносить по свету весть о трагедии уже через час... Особенно било по самолюбию то обстоятельство, что он - начальник столичной полиции - узнал об убийстве премьер-министра в то же самое время, что и остальные государственные чиновники. Что это! **Ошибки?** Нет. Это или **полнейший идиотизм**, или... **или прямое пособничество преступнику со стороны полиции**. И если за первое могут только-то и всего, что отправить в отставку, то за второе... Страшно было подумать, что могло ожидать его за второе.

Рагнеру пришло на ум, что быть может как раз в эту минуту инспектор Седерстрём проводит пресс-конференцию от лица всей столичной полиции, значит, надо понимать, и от его, начальника, лица тоже. Может именно сейчас он, хорошо всё продумавший, в красках распикирует перед возбуждёнными газетчиками допущенные промахи, которые, не надо забывать, и без того прекрасно видны всякому. А завтра все ошибки, заботливо отмеченные умным Седерстрёмом, неизбежно обрастут подробностями, разными деталями и домыслами - с прессой шутки плохи - и будут многократно растиражированы в каждой газетке... Брррр.

Зато целый день Седерстрёма не было поблизости, и время конечно не прошло даром. Завтра монополюльно утвердится его, комиссара Рагнера, рабочая версия, которая определит будущую работу полиции на долгий-предолгий срок. И называться ей отныне “курдским следом”, а, стало быть, есть у него всё-таки чему порадоваться.

За что же уцепились они вместе с комиссаром Бергом?

А “зацепка” была вот в чём. Группа эмигрантов-курдов, имея целью борьбу за создание на родине, то есть на территории Турции, независимого государства Курдистан, создала в стране свою партию, получившую громкое название - Партия рабочих Курдистана, или сокращённо - ПРК.

Будучи человеком трезвомыслящим, Рагнер не мог не понимать, что кучка несчастных эмигрантов вряд ли представляет хоть сколько-нибудь серьёзную опасность не только для его собственной страны, но и для самой Турции. Тем более, что подобные ПРК курдские партии, как грибы повыврастали чуть ли не во всех странах Европы.

Но комиссару было известно, что правительство склонно рассматривать потешную ПРК, как организацию сугубо террористическую. И виной тому были скорее не дела, но слова самих её членов.

С самого момента создания, партию разъедали противоречия относительно методов достижения конечных целей борьбы. Одни “деятели” без устали кричали о необходимости поголовного террора, другие ратовали за чисто политические средства.

Вскоре представители “умеренного” крыла, отчаявшись, стали покидать ряды ПРК. И поплатились жизнью. Оказалось, что их горячие соплеменники совершенно не любят шутить.

Не столь уж давно полиция расследовала - и совсем не безуспешно - целый ряд таких убийств. А поскольку дела имели политическую окраску, результаты расследований докладывались специально созданной правительственной комиссии. Вот тогда-то и сложилось у властей представление о ПРК, как об организации сугубо террористической.

Об этом и вспомнили Рагнер с Бергом. В ту минуту они готовы были расцеловать некоего Ахмеда Шарафа, убийцу собственного брата, который года полтора назад был отправлен на скамью подсудимых в результате быстро и красиво проведённого расследования. Не приди

Шараф на память Бергу, кто знает, была ли бы сегодня в распоряжении начальника следственной группы столь удобная версия. Молодчина всё же этот Берг.

Итак, “курдский след”... Остаётся во что бы то ни стало найти его на Сентралвэг. Само собой разумеется, комиссар понимал, что версия его притянута за уши. Ну так и что с того? Да если она и лопнет, подобно мыльному пузырю, то это произойдёт ещё очень не скоро. А пока... Пока он, суперсыщик Ян Рагнер, зашагает, пусть и наперекор здравому смыслу, по этому самому “курдскому следу”. Он так долго ждал удобного случая, и случай представился. Он - автор единственной правдоподобной версии убийства. Правдоподобной? Да! Увы вам, наивные правдолюбцы седестрёмы, политиканы мальмы и алчные охотники за сенсациями петерсоны. Не вам, нет, не вам уготована известность и слава. И не понять вам, привыкшим загребать жар чужими руками, радости комиссара Рагнера.

Рука комиссара привычно потянулась за сигаретой.

Решено! Завтра же расследование пойдёт по главному следу. И пусть не в меру ретивый инспектор потом считает его кем угодно - это уже будет не важно. Лишь бы самому поверить в причастность курдов к убийству Улафсона. Причём искренне, всей душой. Только тогда за тобой последуют и остальные.

Честолюбивые мысли Рагнера были прерваны стуком в дверь.

- Да, да, войдите!

- Простите, комиссар, вы ещё не уехали домой?

В дверях стоял инспектор Енсен, широкоплечий, высокий мужчина средних лет.

- Ну как видите. - развёл руками Рагнер и невесело улыбнулся. - С чем пожаловали, инспектор?

- Я тут допрашивал одного чернокожего: сенегальский журналист, проходит свидетелем по делу. Явился в полицию по собственному почину и заявил, что своими глазами видел убийцу. Издалека, правда, говорит. К тому же был сильно потрясён случившимся; пришёл в себя разве что только теперь. Словом, мне показалось важным...

- Потрясён был, говорите. Инспектор, а этот сенегалец...

- М-м-м... Амат Диуф.

- Этот Диуф; для разговора с ним нужен переводчик?

- Да нет, он вполне сносно объясняется.

- Он с вами?

- Ждёт в приёмной.

- Прекрасно. Что ж, пригласите его сюда да езжайте-ка спать, Густав.

Енсен кивнул и, попрощавшись, вышел. А через пару секунд в дверях показался растерянный Диуф.

- Здравствуйте, - еле слышно произнёс он.

В ответ Рагнер чинно наклонил голову.

- Проходите, молодой человек, садитесь.

Комиссар угостил Диуфа сигаретой, и тотчас же включил вентилятор.

- Вот так... а то накурено тут у меня... Ну-ну. Я самым внимательным образом слушаю вас...

Рассказ Амата был долгим и сбивчивым, хотя и не лишённым некоторой художественной описательности. Однако Рагнер уже не в состоянии был хотя бы просто вникнуть во все детали повествования. Одно он понял совершенно чётко: показания эти, конечно если дать им соответствующий ход, наверняка похоронят любимое детище - “курдский след” - прямо в колыбели.

- Досадно... - произнёс комиссар, когда африканец наконец умолк - сам не заметил, как сорвалось с языка.

- Что?

- М? Да это я так, про себя... Скажите, а что особенно бросилось вам в глаза, когда разыгрывалось всё это печальное действо?

- Господин комиссар. Я понимаю, мои слова заденут вашу профессиональную гордость, и тем не менее... самое странное - действия ваших людей. Я имею в виду полицию. Такое впечатление, будто их всех парализовало в одночасье. Думаю, не ошибусь, если скажу, что оправился от шока раньше, чем полиция.

- Ах вот даже как!.. Наши коллеги у вас на Родине действуют расторопнее?

- Не хотелось бы сравнивать. И всё-таки как удалось преступнику скрыться? Кто мешал вашим людям вовремя перекрыть ему пути к отступлению?

Целиком соглашаясь со справедливостью упреков, Рагнер молчал.

“Да в том то и дело, - думал он. - И я хотел бы знать ответы на эти вопросы. Хотел бы знать, почему полиция утверждает, что выстрелы прозвучали в двадцать три-двадцать три, в то время, как все свидетели словно в один голос твердят - одной-двумя минутами раньше? Кто и зачем задержал подачу сигнала тревоги на пульт управления? Ведь в итоге у убийцы оказалось в запасе пять-шесть минут для ретирады - какого ж подарка ему было ещё ждать от судьбы?

- Я благодарю вас, мсье Диуф, за неоценимую помощь, которую вы оказали следствию, - произнёс он наконец, - и не смею больше задерживать.

После ухода Диуфа Рагнер ещё посидел некоторое время в задумчивости, потом соединился с комиссаром Бергом.

- Берг, дружище, ну-ка загляните-ка ко мне на секундочку.

Г л а в а 5

Инспектор Аксель Седерстрём направлялся в бар столичного пресс-центра -он спешил на встречу с Ларссоном, своим давним знакомым. Когда-то Седерстрём работал в Отделе по связям со средствами массовой информации, а Энди подвизался в нём же в качестве спецкора программы “Криминальная хроника.” Тогда и познакомились. А вчера, сразу после окончания пресс-конференции, Ларссон подошёл к нему и попросил о встрече. Сказал, что есть некая внутренняя потребность пообщаться и хитренько так улыбнулся. Прошли годы, а Энди Ларссон всё оставался таким же, как прежде. Инспектору только и было, что кивнуть головой.

Когда Седерстрём вошёл в полупустой бар, приятель уже поджидал его у стойки.

- Привет, Аке!

- Здорово, старина!

- Надо же! Как здорово ты сегодня выглядишь!

- Да уж, - произнёс инспектор и любовно погладил трёхдневную щетину на щеках. - Ну так что ж ты? Выкладывай, общайся.

- Окей, инспектор. Только пойдём-ка лучше ко мне. Здесь недалеко. А то я как-то не подумал: скоро соберётся народ, тебя сей же час начнут узнавать и рвать живьём на части.

- Слушай, по-моему ты прав. Нет чтобы сразу-то сообразить - не тащился б я тогда в это осиное гнездо. Пойдём, пойдём, да поскорее. Ведь я не совсем ещё утратил вкус к жизни. Заодно и прогуляемся, а?

Они вышли на улицу и отправились к зданию телекомпании, в которой работал Ларссон.

- Знаешь, Аке, я тут готовил репортаж в “Новости”, выезжал с группой на Сентралвэг. Ты был там?

- Только раз - позавчерашней ночью.

- Понятно. Ну тогда ты многого не видел. Это неописуемо. Весь перекрёсток в живых цветах. И люди. У резиденции, у дома премьера, всюду люди, люди, люди... А между тем один мой коллега рассказывал, как вчера компания молодых парней откровенно радовалась смерти Улафсона. В кабачке на Фредвэг, знаешь? Там всегда полно народу. Так они не постеснялись,

потребовали шампанского. Вандалы! Нет, у меня просто в голове не укладывается - этикие нежные колосочки на ниве нашей трижды хвалёной на весь свет демократии. Эх, Аке...

Тем временем они вошли в просторный вестибюль здания телекомпании. Андерс вызвал лифт.

- А хотел я рассказать тебе, Аке, любопытную историю об одном подонке, - проговорил Ларссон, когда, поднявшись на нужный этаж, они входили в кабинет. - Думаю, тебя не сильно смутит, что он носит форму полицейского.

- О ком это ты? - беспечно спросил инспектор, изо всех сил стараясь поудобнее расположиться в мягком кресле у окна.

- На вот, смотри. Может узнаешь?

И Ларссон вручил инспектору толстый столичный еженедельник. С глянцевого страницы на Седерстрёма смотрел полицейский в форме. Его внушительных размеров портрет был выполнен по всей видимости с крохотной фотокарточки - с такой, какие красуются обычно в личных делах да на служебных удостоверениях. Потому снимок получился нечётким, немного расплывчатым, и его при всём желании никак нельзя было отнести к числу удачных.

Однако инспектору, знавшему многих сотрудников Управления в лицо, не нужно было искать подпись под фотографией. Он сразу же вспомнил этого человека - героя журнальной публикации, называвшейся "Рвение." Перед ним был портрет Курта Гранта, сотрудника Отдела общественного порядка, члена военно-спортивной организации "Щит нации", которую создал и по сей день возглавлял комиссар Берг.

Грант слыл среди коллег человеком мрачным и нелюдимым. Поселившись где-то на окраине столицы, он вёл жизнь волка-одиночки, ни с кем дружбы не водил, разве что с Томасом Ральфом - личностью не в меньшей степени одиозной, чем он сам. Оба походили друг на друга: и работали в одном Отделе, и как будто были одержимы близкими идеями.

Всей своей информацией о Гранте и Ральфе инспектор щедро поделился с журналистом.

- Ну и как ты думаешь, Энди, почему вдруг об этой милой парочке мне известно столько всякой всячины? А дело в том, что года два с лишним назад доселе ничем неприметный страж порядка Грант умудрился прославиться на всю страну. Тогда их Отдел работал по торговцам наркотиками и сутенёрам. Задумали провести облаву, да поспешили: крупная рыбка вовремя уплыла, и в сети попалась одна мелочь. Бились они бились со своим незавидным уловом и поняли наконец, что дело завалено полностью - пора ставить на нём крест. Злющими ходили до жути.

И вот как-то раз допрашивал Грант мелкого альфонсика Пэра Магнуссона, девятнадцатилетнего оболтуса из Шёбю, приторговывавшего у нас девочками из провинции. Слово за слово, взъерепенился наш герой, - Седерстрём выщелкнул из пачки сигарету и закурил, - схватил первое, что попало под руку - бейсбольную битку - да так отдубасил несчастного, что его даже не успели донести до тюремного госпиталя.

Естественно, родители Магнуссона сразу же подали в суд на Гранта. Бурлило всё и вся: газеты вот подняли шум, - инспектор кивнул в сторону лежавшего на журнальном столике номера с портретом полицейского. - Даже сам комиссар Берг, представляешь, и тот выступил с гневным осуждением порочных методов работы незадачливого подчинённого. На словах разумеется. А на самом деле поспешил взять Гранта под своё крыло - иначе тому ни за что б не сдобровать.

Гранту подыскивали хорошего адвоката, не забыв щедро оплатить его услуги. А обвинение по всей видимости слишком рано уверовало в успех, казавшийся очевидным. И в результате приговор получился просто смешным: несколько сот тысяч денежного штрафа и какой-то там пустячный срок. Прошло совсем немного времени, и чья-то добрая рука позаботилась о том, чтобы закрыла рот пресса. А год с небольшим назад, под сурдинку, уволенного было герра

Гранта ещё и в полиции восстановили - на прежнее место, под начало любимого комиссара Берга. Ну как? Здорово?

Андерс Ларссон слушал внимательно, не перебивая, а когда приятель закончил, выдержав небольшую паузу, вздохнул.

- М-да... Признаться, я, наивный, чаял тебя удивить... Впрочем не всё потеряно, ибо твоя информация - ещё только предыстория. А теперь я тебе расскажу вот о чём...

И Ларссон спокойно, во всех подробностях поведал инспектору, как в вечер трагедии встретил в автобусе подозрительного незнакомца и как долго и мучительно вспоминал потом, где и при каких обстоятельствах мог видеть его лицо. А когда наконец вспомнил, то оставалось просмотреть старые подшивки и полностью убедиться в своей правоте.

- Сходство поразительное, Аке, - торжествовал он. - Я почти не сомневаюсь, что ночной пассажир сорок третьего автобуса и полицейский Курт Грант - одна и та же персона.

- **Почти** или **не сомневаешься**?

- Видишь ли, чтобы дать точный ответ на этот вопрос, мне хотелось бы встретиться с Грантом с глазу на глаз.

- Естественно. И это, пожалуй, нетрудно будет устроить. Но, Энди, у меня сложилось впечатление, будто ты **уже сейчас** уверен в причастности Гранта к убийству. Или... или ты даже считаешь, что он и есть убийца? Но ведь сам по себе факт его появления в автобусе и его замечательная репутация - ещё совсем не основания для подозрений.

- Так-то оно так, но давай попробуем порассуждать вместе. Вот смотри, - Ларссон схватил со стола фломастер, лист бумаги, и принялся набрасывать план, увлечённо давая пояснения по ходу дела. - Вот тебе Централвэг, вот кинотеатр "Гранд". Вот так, очевидно, шёл премьер - вышел из кинотеатра, перешёл на противоположную сторону улицы и - дальше по направлению к Туннельвэг. Так? Вот оно - пересечение двух улиц. Место здесь бойкое - центр как-никак - и в двенадцатом часу ночи машины, прохожие. Но убийцу это не останавливает. Что ж он - дурак? Нет, факты говорят о том, что преступник, напротив, умен, хитёр, опытен, а его преступление заранее продумано и хорошо подготовлено. Он знает, что отсюда, - фломастер Ларссона "поплясал" по точке на схеме, обозначавшей место преступления, - можно очень быстро "испариться"... вот так, - и фломастер опять забегал по бумаге, изображая возможный маршрут исчезновения преступника, - налево, по Туннельвэг. Здесь, заметь, ему поможет вагончик реставраторов, который закрывает собой чуть ли не всю улицу и, уж точно, всю лестницу, ведущую в старый город. Куда ж дальше? - естественно, вверх по лестнице... И тут он выскакивает прямо к остановке сорок третьего автобуса, который и в одиннадцать, и в половину двенадцатого ходит довольно-таки регулярно, понимаешь? Я не берусь утверждать, что убийца заранее планировал уйти с места преступления именно на рейсовом автобусе. Более вероятно, что он вскочил в него мимоходом, ещё не веря до конца в свою удачу - тем самым ему было гарантировано благополучное бегство.

- Ну а с чего ты взял, что преступление было заранее спланировано убийцей? Это ведь ещё придётся доказать. Вдруг - конечно, если у него были на то достаточно веские основания - преступник, стоило ему только увидеть Улафсона **без охраны**, попросту решил рискнуть. Когда б ещё ему представилась такая возможность?

Погружённый в свои мысли, Ларссон не слишком внимал словам собеседника и, когда тот кончил говорить, машинально продолжал излагать свою версию.

- Как видишь, для преступника-одиночки всё сложилось более чем удачно. Ну а если он к тому же действовал рука об руку с полицией... я хочу сказать, с отдельными её представителями? Имеем мы право предположить такое?

- Х-хе! Мыслишь ты, друг мой, бойко. Но постарайся понять меня правильно: всё, что ты только-что рассказывал, очень сыро и, главное, бездоказательно. Я буду иметь в виду твои

соображения. И попытаюсь хорошенько “покрутить” ребят из берговой команды. Ты доволен, Энди?

ИРАК. Декабрь 1985 года

- Господин Молин, не следует так высовывать голову из траншеи. Это небезопасно. Молодой майор, командир батареи, посмотрел на Карла Молина осуждающе.

“Пожалуй он прав, задиристый петушок, - снисходительно подумал Молин, - кому ж, как не ему, знать, что можно на войне, а чего нельзя. Вот ведь бывает - отроду ещё тридцати нет, а уже майор: пороха вдоволь нанюхался, заматерел в окопах, а орденских нашивок на камуфляжной куртке и не сосчитать...”

Из-за другой стороны реки с нарастающим жутким рёвом прилетел снаряд и разорвался совсем рядышком с оборудованным на скорую руку наблюдательным пунктом батареи. Молин инстинктивно прижался к земле и, обычно влажная, неприятная на ощупь, в тот самый момент она показалась родной.

Когда состояние оцепенения прошло, Молин привстал, стряхнул с себя комочки почвы, огляделся. Слева от него лежал на животе, чуть-чуть приподнявшись на руках, молоденький комбат - в той же позе, что и до взрыва: будто бы ничего не случилось.

Уверенное спокойствие майора больно задело самолюбие убеждённого седиными Молина, и ему стало нестерпимо стыдно за своё минутное малодушие. Не в первый раз приходилось Карлу Молину, хоть он никогда и не был военным, лежать на передовой под обстрелом. И неизменно его охватывал страх, с годами становившийся всё больше, всё безотчётнее. Не мальчик уже - давно пора привыкнуть, а вот поди ж ты!

Но этот майор - он что, из другого теста? Молин ведь тоже никогда не был трусом, однако он боится. И это естественно, **естественно**, чёрт возьми! Так почему ж тогда спокоен комбат?

Надо бы поумерить эмоции. Карл Хендрик Молин прибыл сюда вовсе не ради психологических исследований. А значит - многократно испытанное железное правило - нельзя раскидывать, давать себе послабление; нужно непременно справиться со своими чувствами, со страхом в том числе...

Он взглянул на часы. Массивные стрелки показывали тринадцать минут восьмого. А значит до залпа по позиции противника, которого он так ждал и от которого зависело так много, оставалось всего семь минут. Перехватило дыхание, и сердце, как показалось, забилося медленнее. Молину хорошо были знакомы эти ощущения: так чувствуешь себя перед ответственным стартом на долгую и трудную дистанцию - в молодости Карл был в числе лучших бегунов университета...

Молин опять посмотрел налево. Майор тоже повернул к нему голову, и подобно ребёнку Карл сразу стал успокаиваться под действием больших, умных, не по годам серьезных и проникательных глаз. Молину показалось, что офицер читает как по писанному то, что творится в его душе. Улетучилось неприятное “предстартовое волнение”, и, вместе с благодарностью, Молин вдруг проникся трогательной, почти отеческой любовью к этому молодому человеку, ещё вчера совершенно незнакомому.

Время тянулось мучительно долго... Осталось пять минут... три... одна... Майор подобрался, зычным голосом отдал необходимые распоряжения.

Молин больше уже не смотрел на часы - он **чувствовал** время.

И вот...

...Относительное спокойствие на позиции было безжалостно нарушено страшной силы канонадой. Будто бы сама земля, полная внутреннего напряжения, вздыбилась, в одночасье извергнув из недр своих бешенный шквал огня, сопровождаемый адским громом. И Молина охватило настоящее вдохновение: душу его переполнила радость, отчаянно искавшая выхода наружу. Думать позабыв о постоянно грозящей опасности, он вскочил в полный рост. Захо-

телось выкинуть что-нибудь этакое - сделать стойку на голове, например, или сплясать... А миномёты всё били и били, и **там**, за широкой рекой, десятками вставали чёрные смертоносные грибы разрывов...

...Всё прекратилось также разом, как и началось - над позицией воцарилась звенящая тишина, и Молин почувствовал внезапное, неприятное и тревожное гудение в ушах.

Майор стоял неподалёку. От его бывшего спокойствия, от полнейшей невозмутимости теперь не оставалось и следа. На мокром от пота, грязном лице - возбуждение боя, каска съехала немного набок, все члены напряжены до предела. Комбат стоял у батареи на виду и, не сводя усталого, но восторженного взгляда с противоположного берега реки, вытирал пот рукавом куртки. "Он, - подумалось Молину, - любит работу своих миномётов пожалуй точно также, как мастер - получившейся вещью." Майор был необычайно красив в ту минуту: будто являл собой живое воплощение Марса...

...Но Молин только и успел подумать об этом. Неожиданно яркая вспышка ослепила его, и страшная сила отбросила, больно ударив спиной о стену траншеи. И потом - сплошная тьма перед глазами. Вот и всё, что отпечаталось в памяти...

Всеуничтожающий огненный град, подобный возмездию свыше, обрушился на позицию иракской миномётной батареи. Это беспощадно и привычно вели огонь с другого берега реки артиллеристы противника.

* * *

Их встреча была назначена у Памятника погибшим героям.

Ещё оставалось какое-то время, и генерал, уполномоченный вести переговоры, пока не подошёл.

Молин с наслаждением вдыхал свежий вечерний воздух. Он старался не смотреть на сам памятник: огромный стилизованный цветок вроде лотоса, сильно напоминающий купола древних мусульманских мечетей - совсем не лучший образчик современного архитектурного монументализма. Молину этот памятник был решительно не по нраву; он лишний раз напоминал - ты, брат, на Востоке, держи ухо востро.

Был канун пятницы - мусульманского выходного дня. Именно в ночь с четверга на пятницу по преданию был зачат Пророк Магомет. Уставший за неделю Багдад отдыхал и делал это по-своему: озорно, весело, беспечно. Шумно было даже в фешенебельном столичном отеле "Аль-Мансур," в баснословно дорогих апартаментах которого Молин чаял было найти отдохновение. Здесь всюду веселилась молодёжь - гуляли свадьбы. Что поделаешь: арабы всегда старались играть свадьбы в ночь на пятницу. Так что Молин без особого сожаления покинул гостиницу. Гораздо предпочтительнее казалось провести остаток времени на свежем воздухе.

Веселье, свадьбы... Просто не верилось, что совсем рядом шла война. Столица ухожена, везде чистота. На улицах обилие света - никакой маскировки; прохожие неторопливы, степенны - похоже, они были вполне довольны своей жизнью. Молину рассказывали, что за годы войны власти изловчились ни на минуту не забывать о городе - в результате было построено много новых уютных домов, весьма различных, правда, по качеству, а весь Багдад обзавёлся наконец центральной канализацией... Молин, привыкший видеть на Востоке города безликие, грязные, представляющие собой беспорядочное скопление развалюх, большей частью глинобитных, с понурыми осликами или диковинными верблюдами у порогов, не уставал удивляться Багдаду, кишевшему автомобилями американского, европейского, японского производства. В иракской столице о войне напоминали лишь вооружённые посты на перекрёстках улиц и у государственных учреждений, да зенитки, щедро наставленные у мостов через Тигр.

И всё-таки война была. Когда его возили на юг, в Басру, он то тут, то там видел частные машины и такси с закреплёнными на крышах гробами, покрытыми иракскими национальными

флагами, а их автомобиль вынужден был постоянно обгонять военные колонны с пополнением для фронта. И - неопровержимое доказательство! - огромное количество самых популярных в Ираке малолитражек - "фольксвагенов" бразильского производства. Их продавали военным с огромными скидками. Ими награждали отличившихся в боях. Их бесплатно выдавали семьям погибших на войне...

Генерал появился внезапно, словно вырос из темноты. Невысокий мужчина средних лет, черноволосый, немного полноватый, внешним видом он чуть-чуть напоминал своего президента. Партнёры крепко пожали друг другу руки.

- Сожалею, что нарушил ваше уединение, ход ваших мыслей...

- Полно вам, генерал, давайте-ка лучше к делу. Нам, европейцам, трудно привыкнуть к вашим восточным чудачествам.

- Прекрасно, к делу, так к делу. Слава Аллаху, у меня для вас неплохие новости, уважаемый господин Молин. Мне поручено заявить, что мы довольны результатами проведённых полевых испытаний и готовы закупить крупную партию товара.

- Крупную - это как? В каких пределах?

- Ну, скажем, речь может идти о партии стоимостью пятьсот-семьсот миллионов.

Это действительно был успех, но внешне Молин предпочёл сохранить спокойствие, будто бы речь шла о чём-нибудь далёком, постороннем, его ни капли не интересовавшем.

- Я солдат; не люблю темнить, - продолжал генерал. - Нам **необходим** ваш товар. Поэтому никаких сомнений в целесообразности сделки ни у кого и не было. К тому же, господин Молин, у фирм вашей страны, да и у вас лично, прекрасная репутация.

- Спасибо.

Они шагали по пёстрым плитам огромного подножия монумента. Если смотреть со стороны - шли безо всякой цели, брели, внимательно глядя себе под ноги, как будто на идеально ровной поверхности можно было споткнуться - два приятеля, два рядовых гражданина...

- Генерал, а не кажется ли вам, что мне до сих пор приходится вести дело непонятно с кем. Игра в одни ворота - это ведь не по правилам. Вы прекрасно знаете, кто я такой, кого тут представляю и чем, чёрт возьми, рискую. Мне же обо всём остаётся только догадываться. Не пора ли, как водится между добрыми друзьями, раскрыть карты. Кто это **мы**, а? От чьего лица вы говорите со мной? Имею ли я дело с правительством, или...

- Давайте-ка всё-таки попробуем не касаться этой темы. Тем более, что тут мои скромные полномочия заканчиваются, - в голосе генерала послышались нотки раздражения, однако ему быстро удалось взять себя в руки. - Это единственное, но неперемное условие, Карл, чтобы и впредь нам оставаться добрыми друзьями. И вам-то от этого будет только спокойнее. Поверьте мне, **мы** не блефуем, **мы** достаточно кредитоспособны.

"А уж это я и без тебя знаю, - подумал Молин. - Будь по иному, стал бы я с тобой вообще разговаривать - держи карман шире. Тем более не полез бы на ваши дурацкие "полевые испытания." У меня покупателей хоть отбавляй. На мой товар спрос везде, где горячо... А, чёрт с вами!"

- Да ладно, была ни была. Оставайтесь инкогнито, если хотите, - сказал он вслух и улыбнулся доброй улыбкой.

Генерал понимающе кивнул.

- Вот ещё что, я хотел просить вас не очень афишировать нашу сделку. На всякий, так сказать, случай.

"Идиот!" - едва не вырвалось у Молина.

- Лишнее, генерал. А мне казалось, вы догадываетесь, что в сохранении тайны я заинтересован никак не меньше вас. Когда занимаешься таким бизнесом, волей-неволей приходится отказываться от девиза "Реклама - двигатель коммерции." Люди, подобные мне, сродни средневековым пиратам-работорговцам: если поймают, то непременно вздёрнут на рее.

- Да вы пессимист, господин Молин. Но - к вопросу о рее - насколько мне известно, в вашей стране нет смертной казни, - генерал хитренько посмотрел на Молина. - Кстати, Карл, а вас не смущает то обстоятельство, что сейчас в Ираке с миротворческой миссией по линии ООН находится премьер-министр вашей страны? А ведь характер нашей с вами сделки, мягко говоря, не совсем соответствует идее пребывания в регионе господина Улафсона.

“Тоже мне, кстати... Ещё бы! Чёртов Улафсон, вечно он стоит на пути!”

- Простите, что-то я не совсем вас понимаю. Господин Улафсон политик, я бизнесмен, и...

- Ну да ладно, ладно, Карл... Не горячитесь. Будем считать, что вы и в самом деле меня не поняли. Задавая вопрос, я меньше всего хотел поставить вас в неловкое положение. Руководство страны с пониманием относится к благородным шагам вашего премьера. Но до мира ещё далеко, и ваш, Карл, товар крайне необходим нам **сегодня**. Насколько мне известно, законы вашей страны запрещают продажу оружия воюющему государству. Мы и рады были бы уважать эти законы, не будь у нас острой необходимости... их обойти. Видит Аллах, обстоятельства сильнее нас. Хотелось бы знать, есть ли у вас план доставки в нашу страну столь специфичного товара?

- О, генерал, уж на этот счёт можете не беспокоиться. Фирма берётся решить все проблемы своими силами. Вам только следует остановить выбор на наиболее приемлемом для вас варианте. Обычно мы организуем доставку через третьи страны. У нас есть опыт, имеются соответствующие каналы. Итак вы хотите получить товар через Италию или Испанию? А может вы предпочтёте в этом отношении Сингапур, Японию, Гонконг?.. Выбирайте!

- А не может ли так случиться, что товар не преодолеет таможенный барьер уже в вашей стране?

“Может, ещё как может. Интересно, генерал **просто** фантазирует, просчитывает возможные варианты, или же негодяй намекает на то, как Улафсон “прокатил” в начале лета поставку оружия в Пакистан, а осенью заблокировал его продажу Ирану через Дубай¹ и Бахрейн? В последнее время этот Улафсон как с цепи сорвался. Конечно, и раньше приходилось работать украдкой. Но уж кто-кто, а правительство не могло не знать, что оружие из-под самого его носа уплывает туда, куда и следует вообще-то уплывать оружию - в “зоны риска” - оборачиваясь немалыми барышами. Знало ведь, но бездействовало, ограничиваясь пацифистской болтовнёй. И всё было тихо, мирно, спокойно. А теперь... теперь приходится работать подпольно! Так можно в два счёта по миру пойти.”

Молин не удержался - вздохнул.

- Думаю, генерал, мы в состоянии справиться со всеми трудностями. Будьте уверены, для этого у нас вполне достаточно и сил, и средств. И мы не собираемся останавливаться ни перед чем. Впрочем это уже наши заботы. А вы, если, конечно, вы действительно заинтересованы в покупке товара, можете спокойно подписывать контракт. Хоть завтра.

- А я-то поторопился зачислить вас в пессимисты... Прекрасно. Я сообщу вам, когда мы будем окончательно готовы. Всего хорошего.

Генерал собрался уже покинуть Молина, раствориться в темноте также внезапно, как и появился, но, неожиданно для самого себя, Карл остановил его.

- Генерал...

- Да?

- Вот ещё что, генерал. Хочу сообщить вам, что в случае подписания контракта фирма готова выплатить небольшое единовременное пособие семьям ваших солдат и офицеров, погибших при проведении полевых испытаний. И ещё... - Молин сделал паузу, - ...тот майор, командир батареи... Его разорвало снарядом, прямое попадание... Мне очень жаль... нет, мне

¹ Город в Объединённых Арабских Эмиратах, на берегу Персидского залива.

действительно очень жаль, генерал. И у меня к вам личная просьба: я слышал, у него в Багдаде остались мать, жена и двое детей. Прошу вас, передайте им вот это - лично от меня.

И он протянул генералу несколько столлларовых купюр.

Г л а в а 6

Вот уже много дней комиссар Рагнер только тем и занимался с утра до вечера, что выслушивал людей, пожелавших помочь следствию. От такого рутинного, прямо таки нудного занятия раскалывалась голова. А они всё шли и шли - новые доброхоты - и не было им числа. Пятьсот тысяч - такую сумму обещало выплатить правительство тому, чьи показания станут решающими при поимке убийцы. И теперь следственной группе приходилось прилагать нечеловеческие усилия, чтобы отделить зёрна от плевел. Временами Рагнер напоминал себе Геракла, расчищающего авгиевы конюшни.

У коллег версии рождались одна за одной - уж больно почва для этого была благодатная. И комиссару пришлось изрядно потрудиться, чтобы при складывающихся обстоятельствах быстро подключить к делу ребят Берга; ведь он мыслил использовать Берга в качестве союзника в работе по "курдскому следу." Как и надо было ожидать, сама эта версия не встретила понимания ни у руководства, ни у сослуживцев, ни у журналистов. Когда начальник впервые знакомил группу со своей идеей, то его заместитель молчал, слава богу, но в глазах Седерстрёма легко читалось удивление, смешанное ещё с чем-то до такой степени скверным, что Рагнер без труда понял - помощи от инспектора ждать не приходится. А комиссар очень нуждался в поддержке своих действий снизу, и Берг с энтузиазмом взялся за дело.

Рагнеру катастрофически не хватало фактов, и Бергу с его людьми предстояло как можно скорее восполнить этот пробел. Разработка "курдского следа" с каждым днём всё больше напоминала греблю против течения. Ни в одном из многочисленных свидетельских показаний - ни намёка на причастность к преступлению курдов. Как раз наоборот. И каждый день - это превратилось в настоящую пытку - Рагнер с великим раздражением брал в руки газеты. Те, описывая работу следственной группы, упоённо соревновались между собой в скептицизме и ехидстве, щедро предоставляя первые полосы возмущённым представителям курдской общины. Да ещё и МИД не считал необходимым скрывать своё разочарование действиями полиции - у них, видите ли, появились "дополнительные проблемы"... Бывали моменты, когда хотелось плюнуть на всё и дать задний ход...

И вот как-то раз Седерстрём заявился в его кабинет вместе со светловолосой миловидной девушкой, весьма неплохо одетой. По тому, как нахально держался инспектор, Рагнер понял, что тот надумал навязать ему генеральное сражение прямо сейчас, не откладывая дело в долгий ящик. Комиссар, поколебавшись немного, решил это сражение принять.

- Это, комиссар, Керстен Хокансон. Она работает художницей на фабрике по пошиву одежды, - представил гостью Седерстрём. - Нам крупно повезло. Фрёкен Хокансон столкнулась с преступником лицом к лицу и смогла неплохо запомнить его. Как свидетельница, она готова дать подробное описание внешности убийцы, не так ли, Керстен?

Та кивнула.

- Ну вот и прекрасно. Прошу вас, фрёкен, садитесь и рассказывайте, как всё происходило.

- Я возвращалась от подруги. Шла себе спокойно по улице, и вдруг на меня как ураган налетает какой-то тип. От столкновения с ним даже сумочка выпала. Я испугалась, вскрикнула - подумала дурное. Но скорее всего он испугался ещё больше. На мгновение он остановился, наши глаза встретились, и теперь это лицо у меня в памяти - будто на фотографии.

- М-да. Ясно. Непонятно только, инспектор, с чего это вы взяли, что девушка столкнулась **именно** с преступником?

- А у нас есть все основания так считать. Дело было на Карлсвэг, как раз напротив цветочного магазина - в двух шагах от лестницы, по которой, как нам доподлинно известно, ухо-

дил преступник. И он обязательно должен был пробежать по этой улице, поскольку деваться-то ему было больше некуда. Я проверял с помощью секундомера - всё совпадает до мелочей. А фрёкен Хокансон утверждает, что кроме них двоих на крошечной Карлсвэг в тот момент не было больше ни души.

- Допустим. Скажите, фрёкен, Карлсвэг - это ведь старый город, и вечерами там довольно темно. Насколько я понял, вы утверждаете, что очень хорошо рассмотрели мужчину. До мельчайших подробностей, так? А с моей точки зрения вы могли бы сообщить следствию в лучшем случае лишь самые общие приметы. Ну там рост, комплекцию... Инспектор же уверяет, что вы готовы дать его подробное описание.

- Да, это так. Самое подробное, герр комиссар, потому что мне удалось великолепно рассмотреть его - витрина цветочного магазина была освещена, и я видела этого парня не хуже, чем вижу теперь вас. К тому же я, кажется, уже говорила, что была сильно напугана: приготовилась защищаться. Вот лицо и отпечаталось у меня в памяти.

Седерстрём победно посмотрел на Рагнера: что, мол, нечем крыть? Крыть и вправду было нечем. Комиссар нисколько не сомневался в правдивости показаний этой миловидной девушки. Мучимый чувством досады, он повертел в руках шариковую ручку.

- Давайте воспользуемся тем, что фрёкен Хокансон - профессиональная художница. Больно уж хочется увидеть эту морду воочию, - перешёл в решительное наступление Седерстрём.

- Да, да, конечно... Вот вам бумага и карандаш; прошу вас, фрёкен.

- Буду рада, если смогу оказаться вам полезной.

И Керстен сосредоточенно принялась за работу. Дело шло споро, и через несколько минут Рагнер с Седерстрёмом уже рассматривали рисунок. Художница изобразила угрюмого вида мужчину лет тридцати-сорока, насколько можно было судить по портрету. Тёмные волосы, довольно узкое, худощавое лицо, прямой, вытянутый нос, густые брови - с листа бумаги на них смотрел **европеец**; никак не **курд**. Комиссар и инспектор, не сговариваясь, многозначительно переглянулись. Каждый при том подразумевал своё.

- Ещё могу добавить: он среднего роста, телосложения хлипковатого. Невзрачный такой. Словом, типичный хулиган.

- Благодарю вас, фрёкен Хокансон, - выдавил из себя Рагнер. - А, скажите, не было ли у него в руках... чего-нибудь?

- Вы имеете в виду пистолет?

- Да. А вы догадливы!

- Вы мне льстите, комиссар. Только лишь стараюсь внимательно читать детективные романы, - она улыбнулась. - Я задавала уже себе этот вопрос, прежде чем пойти в полицию. Конечно ж в ту самую секунду у меня и в мыслях не было смотреть на его руки. И всё-таки... я не знаю даже, как вам правильнее объяснить? Наверное есть какая-то подсознательная, чисто механическая память... Не было у него в руках оружия.

- Так значит не было. Гм! А вы уверены?

- Нет. В том то и дело, что совсем не уверена. Но... но мне просто так кажется, вот и всё.

От волнения Керстен принялась тереть пальцами пуговицу на блузке. Ей всё казалось, что её рассуждения обоим полицейским представляются по меньшей мере странными, что ей ни капельки не верит ни тот, ни другой. Чушь какая-то - механическая память... Глупо.

- М-да, - подтвердил её самые худшие опасения Рагнер, - замечательно! Ну хорошо. Не станем, инспектор, докучать нашей юной собеседнице новыми расспросами. Представляю, как она утомилась сегодня. Вашу помощь, фрёкен, трудно недооценить. Молодчина. А вы, Аксель, возьмите на себя хлопоты по составлению фоторобота. Да не забудьте попросить у фрёкен Хокансон адрес на случай, если нам ещё раз потребуется обратиться к ней...

“...чего бы сильно не хотелось, конечно,” - закончил про себя комиссар, провожая девушку до двери кабинета.

Инспектор немного задержался. Он было собирался сказать что-то, да передумал и, махнув рукой, быстро вышел прочь.

* * *

На совещании было решено обратиться за помощью в составлении фоторобота подозреваемого к западногерманским коллегам. Седерстрём хорошо знал их возможности, поскольку в своё время проходил стажировку у криминалистов Висбадена.

Немцы с пониманием отнеслись к такой просьбе, и очень скоро вместе с новейшей аппаратурой в распоряжение следствия прибыли два эксперта из Висбадена; с их помощью по рисунку Керстен Хокансон удалось в считанные часы составить вожаденный фоторобот. А некоторое время спустя трудяга Мальм с важным видом докладывал в муниципалитете, что теперь каждый патрульный полицейский имеет в кармане портрет убийцы.

Г л а в а 7

Андерс Ларссон возлежал у себя на диване и курил одну сигарету за другой. В руках у него был свежий номер “Экспресса”, первую полосу которого украшал огромного размера фоторобот предполагаемого преступника. А верхнюю половину листа занимали заголовки, набранные аршинными буквами:

СЕНСАЦИОННЫЕ ПОКАЗАНИЯ КЕРСТЕН ХОКАНСОН.

ИНСПЕКТОР СЕДЕРСТРЁМ: ПОЛИЦИЯ НАПАЛА НА СЛЕД ПРЕСТУПНИКА...

СЛЕДСТВИЕ СДВИНУЛОСЬ С МЁРТВОЙ ТОЧКИ?

Ларссон читал и ничего не мог взять в толк. Ну как же так? Портрет, распространённый полицией, абсолютно ничего общего не имел с обликом Курта Гранта, которого Андерс видел в вечер убийства при столь примечательных обстоятельствах. Встреча никак не шла из головы, и чем больше Андерс окунался в воспоминания, тем больше убеждал себя в несомненной причастности странного полицейского к преступлению на Сентралвэг.

“Теперь мы твёрдо уверены, что стоим на правильном пути,” - заявил вашему корреспонденту заместитель начальника специальной следственной группы инспектор полиции Аксель Седерстрём, - продолжал читать Ларссон. - “Полиция на сегодняшний день уже располагает портретом преступника, так что его поимка - дело техники и времени.” Однако нам стало известно, что отнюдь не все следователи группы готовы разделить оптимизм своего коллеги. Весьма примечательный факт: возглавляющий расследование комиссар Рагнер вообще отказался комментировать сенсационные показания Керстен Хокансон.”

Ларссон в раздражении швырнул газету на пол, встал с дивана, щедрой рукой плеснул коньяку из початой уже бутылки и залпом осушил стакан.

А куда же девать Гранта? Ведь факт остаётся фактом. Не отшибло ж у инспектора память! Но вдруг... вдруг эта самая Хокансон появилась неспроста. Что, если полиция решила действовать по принципу рука руку моет?.. Правда Андерс всегда считал Седерстрёма приличным человеком, но что же с того?

Отчаянно мотнув головой, Ларссон с размаху плюхнулся в кресло, взял в руки телефон и набрал домашний номер инспектора. Он успел подкурить новую сигарету, пока услышал в трубке голос Аке.

- Здорово, старина, - сразу узнал журналиста Седерстрём. - Что стряслось?
- Это я у тебя хочу спросить, что стряслось.
- Подожди. Что-то я не очень тебя понимаю...

- У меня в руках сегодняшний “Экспресс”...

- Ах вот ты о чём. Ну и что?

- Вот это да, инспектор! Как **что**? Может быть тогда ты не сочтёшь за труд объяснить мне, откуда взялась эта таинственная Керстен Хоканссон? И что ещё за физию вы поместили в газетах? Почему мне до сих пор не организовали очной ставки с Куртом Грантом? Или может все вышеперечисленные вопросы связаны между собой, а? Да, теперь мне хорошо понятно, как не ко времени я встрял со своими показаниями. Извини, дружище. Ведь ты вовремя смекнул, что мои идеи, если только развить их должным образом, мигом испортят вам всю обедню. Могу представить, как истово вы принялись готовить свою дрессированную шлюшку, чтобы как кляпом заткнуть мне рот красивой и правдоподобной сказкой. Дешёвая, вобщем, работёнка, но... преклоняю колени.

- Послушай, а не мог бы ты поаккуратнее выражаться... Да ты не кипятись лучше, а подумай спокойно. Во-первых, какая может быть связь между мной и Грантом? Кроме формы, которая у нас действительно одинаковая. Но форму-то как раз, ты знаешь, я почти не ношу. Во-вторых, какое право ты имеешь учинять мне допрос? Что вообще ты знаешь о ходе расследования? А о Керстен Хокансон? На каком основании ты судишь всех и вся? Да и вообще... вообще я не собираюсь позволять тебе впредь высказываться о ней в таких выражениях; запомни это хорошенько...

Ну да ладно, - довольно миролюбиво произнёс Аке после долгого молчания, - давай так: сегодня Керстен - моя гостя; бери руки в ноги и приезжай знакомиться. Поговорим о том, о чём в спокойной обстановочке...

- Так вот оно что - она ещё у тебя и в гостях к тому же! Ну спасибо. Этого только не хватало. Извини, приятель, но ты сам заставляешь думать о себе плохо... Так что вы уж отдыхайте, беседуйте, а у меня дела.

- Какие такие дела, Ларссон? Ты что, белены объелся? Ты посмотри на часы.

- Да нет, как раз со мной-то всё в порядке. Советую подумать о собственной персоне. А что касается дел... Тебе должно быть хорошо известно, что если гора не идёт к Магомету, то тогда Магомет **сам** идёт к горе. Короче, я своими силами решил устроить очную ставку с этим вашим вырождением Грантом. Время неурочное, но что ж поделаешь? Надеюсь, он меня извинит. Ну, пока, Аке. Будь здоров!

Ларссон повесил трубку, поискал глазами свой рабочий блокнот - любимый, с листами на спиральке - и, обнаружив нужную запись, зачем-то отчеркнул первую строчку ногтём. Несколько раз повторил вслух написанное: *“Сёдервэг, дом 38, квартира 65.”*

На столе неистово звонил телефон. Не обращая на него внимания, Ларссон набросил куртку, схватил фотокамеру, сигареты, ключи от машины и, выпив ещё коньяка, быстрыми шагами покинул квартиру, с силой захлопнув за собой дверь.

* * *

Он вёл машину на большой скорости - торопился. Из-под колёс во всех направлениях вылетали ошмётки слякотно-мокрого снега.

Была глубокая ночь. Машины на улицах, впрочем, как и прохожие, попадались крайне редко. Тут и там перемигивались жёлтыми огнями светофоры, будто нарочно подзадоривая лихачей.

Когда автомобиль влетел в южный пригород столицы, по обеим сторонам дороги потянулись удивительно невзрачные и унылые, ничем не примечательные домишки.

Но наконец фары выхватили из темноты долгожданную табличку:

СЁДЕРВЭГ, 38

Ларссон припарковал машину у первого же подъезда, открыл дверцу. Закурил. Дом как дом, но среди маленьких, скромных загородных виллочек громоздкое пятиэтажное строение из красного кирпича смотрелось нелепо.

Андерс вылез из машины и отправился искать нужный подъезд. Переступив порожек, он оказался на тускло освещённой лестнице. Поднялся на третий этаж и огляделся. Интересовавшая его дверь обнаружилась по левую руку; массивная, она была обита тёмно-коричневым дерматином и снабжена разнообразными запорными устройствами. Крупная бляха с номером квартиры отливала медью и усиливала зловеще-таинственное впечатление.

Ларссон хорошенько присмотрелся. Хотя дверь и была довольно плотно пригнана, сквозь тончайшую щель наружу всё-таки пробивался свет. Значит, за дверью не спали.

Андерсу вдруг стало не по себе. Он физически ощутил, как на лбу выступили бисеринки холодного пота, и показались понятными чувства несчастного кролика, которого горькая судьбина бросила в объятия к удаву. А потому Ларссон не обратил никакого внимания на донёсшийся с улицы истошный визг автомобильных тормозов.

Рука сама потянулась к звонку... Тотчас из-за двери послышалось тяжёлое шарканье и нечленораздельные звуки, сильно напоминающие ругань. Наверное, звонок заставил обитателя мрачного жилища оторваться от какого-то дела, и тот не хотел, чтобы неожиданный посетитель, кем бы он ни оказался, увидел хотя бы какие-нибудь следы его занятия.

Защёлки многочисленные запоры, и дверь приоткрылась - на пару дюймов, не больше. Но чтобы Ларссон узнал хозяина квартиры и того было достаточно. Никаких сомнений не осталось - из-за двери выглядывал тот самый верзила с бычьей шеей и злобным взглядом исподлобья, который повстречался в вечер убийства в автобусе сорок третьего маршрута; он же - полицейский Курт Грант. Но если раньше взгляд этой гориллы был всего лишь недружелюбным, то теперь хозяин уставился на журналиста совершенно не тая угрозы.

Хлопнула дверь парадной. Послышались торопливые шаги по лестнице. “Да, похоже, что это последнее интервью в твоей жизни, дружок.” - пронеслось в голове у Ларссона, и он подивился собственному спокойствию. Животный страх уступил место какой-то сверхъестественной решимости. - “Допрыгался? Ты уж не оборачивайся лучше, чтобы не потерять присутствия духа. Отступать некуда - спрашивай же!”

По всему телу гулял невесть откуда взявшийся неприятный холодок, и сердце ёкнуло как при взлёте.

- Простите, это вы ехали со мной в сорок третьем автобусе поздно вечером двадцать восьмого февраля - в день убийства Таге Улафсона? - Ларссон не узнал своего голоса.

И тут с лица Курта Гранта сползло выражение ненависти и злобы. Сначала ему на смену пришло искреннее удивление, а потом холодная маска равнодушия. Это полицейский увидел человека, бежавшего по лестнице. Теперь уж и Ларссон, вышедший из оцепенения, услышал за спиной частое, тревожное дыхание.

Всё-таки Андерс решил обернуться. Перед ним собственной персоной стоял и тяжело дышал инспектор Седерстрём.

- Аке!.. - только и смог выдавить из себя Ларссон.

И в этот момент дверь шестьдесят пятой квартиры захлопнулась с орудийным грохотом - все замки и защёлки сработали разом.

Трудноописуемые чувства овладели Андерсом Ларссоном - смесь облегчения? радости? удивления?

А бледный, возбуждённый до предела Седерстрём знать не хотел никакого удержу.

- Ты - идиот, Ларссон! - он схватил друга за рукав, почти насильно увлекая его к выходу. - Но ты не просто идиот! Ты кретин! Скотина! Припадочный! Истеричка! Кой чёрт тебя принёс сюда? Жить надоело!? Захотел бейсбольной битой по черепу!?

Они остановились у подъезда.

- Придурок! - продолжал безжалостно уничивать Ларссона Седерстрём. - Ты их плохо знаешь! Такие ребята способны на любую гнусность - у них же нет ничего святого за душой. Полез в логово... каков герой, а? Ты хоть о наследстве-то своём позаботился? Да окажись я чуть-чуть потупее - не найди у себя адрес Гранта или проплутай на машине подольше - ты уже б коченел с проломленным черепом. Пинкертон! Тьфу! Благодарю маму за то, что родила тебя в рубашке, частный сыщик...

- Ну всё? Выговорился? - Ларссон прямо светился от радости.

- Да ну тебя... Выговорился. А ты как? В норме?

- В полном порядке.

- Ну тогда пойдём в машину. В моей машине сидит та самая Керстен Хокансон. Поверь, тебе будет очень полезно с ней познакомиться. И давай-ка отъедем наконец от этого дьявольского дома.

Г л а в а 8

Для недавнего выпускника полицейской школы Бьёрна Хёглунда, делавшего самые первые шаги в службе, заявление, поданное в полицию журналистом и писателем Хансом Келлером было любо тем, что впервые ему предстояло работать самостоятельно.

Бьёрн с важным видом восседал за столом и, позабыв обо всех правилах приличия, сосредоточенно жевал спичку. Он внимательно слушал благовидного, немолодого мужчину, заученно излагавшего суть дела.

- ...Вот до чего дошло! Звонят каждый день. Запросто могут поднять с постели. Работа у меня такая, что телефон просто необходим - никак не отключишь. Но в последнее время я стал бояться подходить к нему. Да и не только я - жена моя и дочь тоже. Обстановка в доме всё время какая-то нервная. Ну вы понимаете - это ж продолжается пятый месяц, с самого дня опубликования злосчастной статьи. Травля, натуральная травля. Я прекрасно знаю, **чего** можно ожидать от этих молодчиков. Но в **нашей** стране!.. Почему они осмеливаются вести себя столь бесцеремонно и нахально? Угрозы по телефону... А есть ещё и письма, которые я получаю чуть ли не ежедневно...

- Письма? Простите, какие письма?

- Вы не знаете? Да всё с теми же мерзкими угрозами. Я уже рассказывал вашему коллеге.

Келлер раскрыл свой издававший виды портфель и вытащил довольно толстую пачку писем в конвертах, туго перетянутую обычной аптекарской резинкой.

- Вот, полюбуйтесь. Здесь уже девяносто три штуки. Сперва я их уничтожал, зато теперь прилежно собираю.

Хёглунд достал из стопки первое попавшееся, осмотрел конверт. Ничего примечательного - обыкновенный почтовый конверт. Адрес получателя был отпечатан на машинке, координаты же отправителя, разумеется, отсутствовали. Нет и почтового штемпеля - значит, письма бросали прямо в ящик. Он вытащил само послание. Вверху листа красовался логотип, очень похожий на свастику, а прямо под ним шла подпись: **“ПАРТИЯ СТОРОННИКОВ НОРДИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ”** - чушь какая-то, Господи.

Сам текст был тоже отпечатан на машинке и представлял собой сплошную нецензурщину. Хёглунд недовольно поморщился - ему никогда ещё не приходилось видеть такого огромного количества непечатных слов на одном листе. Смысл сводился вот к чему: Келлеру оставалось жить считанные дни, равно, как и его жене с дочкой. Но авторы письма сообщали, что готовы даровать им жизнь, конечно если журналист успеет публично покаяться в своих грехах перед ПСНГ. Пока же, мол, что-то не видать особого рвения у Келлера - стало быть сомнительна и перспектива остаться в живых.

Хёглунд не стал читать дальше - он решил попозже ознакомиться со всей эпистолярией разом.

- Надеюсь, вы оставите мне всё это.

Келлер кивнул.

- Перед нашей встречей, герр Келлер, мне удалось просмотреть ту статью. А также, совсем уж бегло, ряд других ваших работ о нацистах. Лихо вы лупите по ним, ей богу. И, если откровенно, в том, что они вам угрожают, нет ничего удивительного. Но ради чего, скажите мне, вы занимаетесь всем этим? Неужели ж вы не понимаете, насколько это опасно? Так бросьте всё, и я больше чем уверен, они оставят вас в покое.

- Хм. Как, оказывается, просто, а... Видите ли, юноша, я также, как и вы, не знаю последней войны. В ту пору мне было совсем немного лет. Я, как и вы, родился и вырос в стране, в которой за полтора века успели напрочь позабыть даже и сам запах пороха, и мне понятен ваш вопрос. Но в борьбе с нацизмом погибли мой отец и дед - немецкие антифашисты. Дед в драке с эсесовцами, отец в гитлеровском концлагере. Подпольщики чудом, в трюме угольной баржи, помогли бежать сюда моей беременной маме... Я родился раньше срока, и матери это стоило жизни... Потому свастика для меня - не просто крест с загнутыми под углом концами. С ней я воюю с ранней юности; пером - иначе не умею. И эта борьба для меня - всё. Пусть я слабый человек, но я не отступлю!

Взволнованный, Келлер замолчал. А Хёглунду подумалось, насколько ж и впрямь далеки ему вещи, о которых говорит писатель. Бьёрн был потрясён услышанным - ведь впервые ему довелось разговаривать с человеком, в судьбе которого давнишняя мировая война оставила страшный кровавый рубец.

- Но ПСНГ - это только одна из голов дракона, - Келлер опять продолжал говорить спокойно. - Совсем легально, не таясь, в нашей маленькой тихой стране существуют такие монстры, как Национальный союз, Новое народное движение, Партия новых нацистов... да разве всех упомнишь? Уверен, вы о них и слухом не слыхивали. А между тем они печатают свои газеты, устраивают митинги, демонстрации, шествия. И в политической борьбе участвуют тоже. Так что скоро наверняка услышите. Но государство, государство-то наше смотрит на всё это сквозь пальцы, совершенно не хочет их замечать. Ну так и что же мне остается делать? Скажите? Вот я и собираю материалы, стараюсь, чтобы прозрело как можно больше людей. Пока ещё не стало совсем поздно. И это всё, что я могу... - добавил он печально и сокрушённо развёл руками.

Тут вдруг инспектору стало очень жаль этого маленького нескладного человечка. Просто жаль, и всё тут.

- Простите, инспектор, как вас зовут?

- Бьёрн.

- Так вот, Бьёрн - можно мне вас так называть? - скажите, Бьёрн, хотите вы помочь в моей - сами видите - не очень благодарной борьбе с коричневым злом? С убийцами, насильниками, человеконенавистниками? Хотите?

- Я офицер полиции, герр Келлер.

- К сожалению, этого явно недостаточно, милый мой Бьёрн. Поверьте моему богатому опыту. Если - да, то я немного подтолкну вас. Не от стремления хоть сколько-нибудь затронуть ваше самолюбие - от желания дожидаться всё ж таки торжества справедливости.

Хёглунд молча выводил на листе бумаги карандашом восьмёрку.

- Так вот, Бьёрн, мой вам совет: начните с Вестенборга. Летом позапрошлого года в тамошнее отделение компартии была подложена самодельная бомба. Чудом обошлось без жертв, а о взрыве и начавшемся вслед за ним пожаре вовремя сообщил проезжавший мимо шофёр такси. Полиция, само собой разумеется, тотчас взялась за дело. И поначалу очень успешно. Им удалось арестовать нескольких членов ПСНГ. Состоялся суд. В качестве корреспондента одной из газет вашему покорному слуге довелось освещать его работу. Один за одним всплывали факты, шокировавшие всех нас - журналистов и публику: шантаж, поджоги,

бесчисленные угрозы физической расправы, погромы - словом, полный букет... Однако - это моё глубокое убеждение - чья-то рука своевременно вмешалась в работу суда. Обвинение сложилось, изменило первоначальную, довольно боевую позицию и пошло на попятную. Преступников как-то наказали, больше для отвода глаз. Но ПСНГ существует и поныне.

При этих словах Келлер выразительно посмотрел на стопку анонимных писем.

- Я бы ещё многое мог рассказать вам о них, Бьёрн. Многое из того, о чём не писал ни разу. Увы, но мои границы возможного вполне осязаемы. Только хватит на сегодня... И мой вам совет, Бьёрн: начните всё-таки с Вестенборга - уверен, там сокрыта какая-то тайна...

* * *

Четвёртый день Хёглунд безвылазно сидел в архиве Управления полиции Вестенборга, прилежно и кропотливо изучая лист за листом материалы следствия по делу террористов из ПСНГ. Работёнка была - нечего и говорить, но Бьёрн трудился как пчёлка, проведя в душной комнате три дня и целую ночь.

В первую очередь инспектора интересовал материал, могущий вывести на столичные организации нацистов. Наконец ему удалось отыскать кое-какие ниточки, за которые имело смысл потянуть по возвращении домой. Бьёрн сладко потянулся и решил - хватит затворничества; сейчас он закончит свой каторжный труд и двинет в какой-нибудь кабачок.

Инспектор уже было собрался захлопнуть очередную и последнюю грифованную папку, как вдруг в глаза бросилось название одного из подшитых в ней документов.

“СПИСОК СМЕРТНИКОВ”, - прочитал инспектор, - не больше и не меньше!

“Партия сторонников нордической государственности, исходя из высших интересов нации, стремясь сохранить её чистоту и моральное здоровье, приговаривает нижепоименованных лиц к смертной казни:

Фамилия, имя

Партийная принадлежность

Род занятий

1. УЛАФСОН Tage

Социал-демократическая рабочая партия

Премьер-министр

...

...

...

Г л а в а 9

Прошло совсем немного времени, как состоялся их разговор с комиссаром Рагнером, а инспектор Седерстрём больше не чувствовал себя именинником. Желая во что бы то ни стало опровергнуть показания Керстен Хокансон, люди Берга отыскиали некоего свидетеля Пэра Блюма, который находился в вечер убийства в кинотеатре “Гранд” и видел, что за четой Улафсон отправился после сеанса вовсе не брюнет, как уверяла Керстен, а блондин. Причём, по словам Блюма, роста он был высокого и телосложения атлетического. Противоречия Хокансон во всём, новый свидетель тем не менее сходил с ней в определении возраста подозреваемого - лет тридцати пяти-сорока, считал он.

Пэр Блум не брался утверждать наверняка, что видел именно убийцу, так как страшно спешил домой - у него, мол, не в меру ревнивая жена - и не мог позволить себе удоволь-

ствия сопровождать премьер-министра. По сему наблюдал за блондином, шедшим за супругами Улафсон недолго - несколько минут. Потом свернул.

Седерстрём внимательно ознакомился с показаниями Блюма и остался недоволен ими и собой. Зато уж конечно вполне доверял новому свидетелю комиссар Рагнер.

Так или иначе, но пришлось сделать ещё один фоторобот, после чего у каждого патрульного полицейского к неопишуемой радости Мальма появился второй портрет предполагаемого убийцы.

И Седерстрёму ничего не оставалось, как самому браться за проверку района, примыкающего к Сентралвэг. Он справедливо полагал, что хотя бы один из подозреваемых обязательно должен был “наследить” тут, и изо всех сил стремился обнаружить такие следы, чтобы попытаться рассеять многочисленные сомнения.

Без меры уставший, проклявший всё на свете, утративший последние надежды, он наконец-то добрёл до крошечной захудалой гостиницы “Астра”, значившейся в рабочем списке одной из последних. Показав администратору служебное удостоверение, инспектор предъявил для опознания обе карточки. Сколько раз приходилось ему проделывать эту нехитрую операцию, и всё безуспешно. Особых иллюзий Аксель уже и не питал. Его терпение неумолимо подходило к концу. Но чем только чёрт не шутит?

Служащий гостиницы довольно долго изучал то ту, то другую фотографию.

- Батюшки, но они у вас такие разные...

Седерстрём усмехнулся - ну ещё бы! Он с грустью обвёл глазами затрапезно выглядящие стены и покрытый невесть откуда взявшейся копотью потолок. Бывают же такие дыры на свете...

- Пойдите, пойдите... Мне кажется, вот этот вот мужчина однажды останавливался у нас. Ну да! Он! И кто бы мог подумать, а?

Инспектор от души подивился маленькому, живому человечку, с важным видом восседавшему за администраторской стойкой - уж так искренне тот радовался своему открытию.

- Который?

- Вот этот, - служащий с готовностью протянул Седерстрёму портрет блюмовского блондина.

- Этот!? Точно!? Ну-ка посмотрите хорошенько. Вы не могли ошибиться?

- Нет... Пожалуй нет... Нет, ну что вы! К счастью, я очень хорошо запомнил этого субъекта. Сразу скажешь, что иностранец.

- Иностранец, вы говорите?

- Ну да, иностранец. Я не понимаю, почему вас это удивляет. В нашем отеле иностранцы - частые гости... Вот только не могу припомнить, откуда именно он прибыл... Но выяснить несложно. Та-ак... книга регистрации проживающих... Одну минуточку... Ага, кажется, он. Да, я сам его сюда и записывал. Шварц. Генрих Шварц. Швейцария, Цюрих... Видный такой. Помнится, он со мной заговорил по-английски. А надо признаться, я не очень-то силен в нём. Так, знаете, только парой фраз могу перебраться. И тогда этот самый Шварц перешёл на немецкий.

- Разумеется, вы фиксируете даты прибытия и убытия...

- Ну конечно! Вот здесь записано: остановился у нас восемнадцатого февраля, выехал двадцать седьмого.

“Надо ж: как раз за сутки до убийства; не раньше, но и не позднее,” - заметил Седерстрём.

Он задал администратору ещё несколько дежурных вопросов. Но теперь инспектору было ясно, что версия, основанная на показаниях Керстен Хокансон, и в самом деле далеко не бесспорна.

Конечно, фоторобот есть фоторобот. Тут уж без субъективности никак. Но один свидетель говорит, что убийца - блондин, другая - что темноволосый. Керстен считает, что телом

хлипковат, а Блум с этим вот из гостиницы доказывают обратное. Кто тут прав - пойдй разберись?

Всю обратную дорогу Седерстрём непрестанно думал о возникшей вдруг проблеме, потому и не заметил, как очутился в Управлении. Перед входом в кабинет его уже поджидал Бьёрн Хёглунд, усталый, возбуждённый, с покрасневшими от недосыпания глазами.

- О, Бьёрн! Привет... Постой, а ведь ты, кажется, уезжал в Вестенборг?

- Угу. Прямо с поезда - и к тебе, Аке. Мне очень нужно пошептаться с тобой кой о чём.

- Да? И что - так срочно? Ну проходи в таком случае, присаживайся.

- Понимаешь, - сказал Хёглунд, который на самом деле, не дожидаясь никакого приглашения, давно уже оккупировал приглянувшийся стул; теперь он был занят тем, что двигал упомянутый стул поближе к столу. - В Вестенборге я занимался ПСНГ.

- Чем-чем ты там занимался?

- ПСНГ. Ну это такая террористическая фашистская организация. Копался в полицейских и судебных архивах. И, кажется, нашёл кое-что весьма любопытное для тебя. Вот. Смотри сам, - он протянул Седерстрёму пачку ксерокопий. - Это список лиц, которых молодчики из ПСНГ приговорили к смертной казни. Под номером один, как видишь, Таге Улафсон!

- Любопытно. И что - ты считаешь, это серьёзно, Бьёрн? - спросил, не отрываясь от чтения, Седерстрём.

- Ещё как! Они выполняют свои планы, Аке - я убедился в этом. Обрати внимание, ручкой я подчеркнул фамилии семи руководителей-коммунистов, которые находились в здании вестенборгского отделения компартии, когда туда была подложена мина. Только по чистой случайности взрыв удалось предотвратить. Птичками помечены журналисты, писатели, политики самой различной ориентации, которые активно выступают против фашистской угрозы. А фамилии тех из них, которые были убиты, причём зачастую при невыясненных обстоятельствах, обведены мною кружками... Ну как? Есть над чем задуматься? Ребёнку понятно, что такой деятель как Улафсон сильно мешал коричневым. Вывод напрашивается сам собой - убийца теснейшим образом должен быть связан с ПСНГ.

- И именно там ты предлагаешь его искать? Блестяще! Этого нам только и не хватало - новой иглы в очередном стоге сена!

Чтобы Бьёрну стало яснее, насколько он обрадован, Седерстрём решил закурить.

- Я совсем не понимаю шефа. От свидетелей, от версий голова кругом идёт. Знай, только сиди и отрабатывай - до скончания века хватит. Так нет же, он заикнулся на своих курдах, и пашет на него чуть ли не вся группа, представляешь? Кто будет заниматься твоими фашками? Я ума не приложу. Разве что тебе самому и придётся.

- Шутишь?

- Почему? На днях премьер предложил увеличить численный состав группы. Думаю, что смог бы пропихнуть тебя, если ты не против, конечно.

- Ну, даёшь... Да как же я могу быть против, - Хёглунд развёл руками, лихо вскочил на ноги и подошёл к Седерстрёму.

- Здорово, конечно, если получится меня пропихнуть. Но с другой-то стороны... С другой стороны странное, самым дьяволом запутанное дельце, Аксель.

- Да ты, гляжу, Америку открыл, друг мой? А я о чём тебе толкую?

- Ты? Да нет, это я о другом. После взрыва в штаб-квартире коммунистов нашим коллегам из Вестенборга посчастливилось основательно прижать тамошнюю организацию ПСНГ. Началось следствие, потом суд. Улики казались неопровержимыми. Дело должно было получить широкую огласку, а вслед за тем партию непременно прикрыли бы - я внимательно просмотрел все материалы: обвинение имело прекрасные шансы на успех. Эти вот документы, -

Хёглунд взял в руки ксерокопии, - их подлинники - убийственной же силы бумаги! Но в итоге - полнейшее фиаско! Неизбежно возникает вопрос - почему так случилось?

Решив не отставать от Седерстрёма, Хёглунд вытянул из его пачки сигарету и тоже прикурил от массивной зажигалки, давно и верно служившей достойным украшением рабочего стола инспектора. Затем озорно и торжественно посмотрел на своего коллегу и, выждав немного для пущего эффекта, продолжал:

- И что же выяснилось? А то, что на сцене будто чёртик из табакерки возьми да и появись некий полицейский чин из нашего Управления. Он разговаривал с судьёй, начальником вестенборгской полиции, следователями, прокурором... С кем именно, о чём и на каких условиях он договорился, по понятным причинам установить сейчас невозможно. Но поди столкнулся же с кем-то, шельмец, так как вскоре со стороны обвинения последовал целый ряд грубейших ошибок, и дело удалось быстро свернуть. Ну какой-то там приговор для проформы, разумеется, вынесли, хотя для ПСНГ всё закончилось попросту расчудесно. Мне рассказали, как выглядел таинственный столичный визитёр. Есть все основания подозревать, что этим человеком, Аке, был один из лучших твоих приятелей - комиссар Ханс Берг собственной персоной.

Г л а в а 10

Суне Петерсон вот уже второй час сидел в кабинете начальника секретной полиции - СП. И это было похоже на сказку. Хозяин кабинета - сама любезность - без лишних слов предоставил ему всё, что требовалось, а потом деликатно удалился. А нужно было Пертерсону, надо сказать, немало. И даже заблаговременно заручившись поддержкой самых влиятельных в стране лиц, Суне, переступая порог кабинета шефа СП, вовсе не чувствовал никакой уверенности. Уж ему-то было хорошо известно, что двери тайной полиции никогда и ни перед кем ещё так просто не распахивались.

Да, нынче фортуна определённо улыбалась ему. Самому же Петерсону после всего услышанного было совсем не до веселья. Выглядел он мрачнее тучи, а внутреннее состояние выдавали собравшиеся на лбу морщины. На столе сиротливо стояла давно позабытая Суне и безнадёжно остывшая чашка кофе.

Покачав головой, он вздохнул и решительно нажал на вмонтированную прямо в стол кнопку обратной перемотки магнитофона. Содержание телефонного разговора, записанного сотрудниками СП, казалось понятным только на первый взгляд, так что Суне приходилось, набравшись терпения, прослушивать ленту вновь и вновь.

Отворилась дверь, и в кабинет вошёл его хозяин - Йоран Линдберг; Суне сразу же оставил перемотку.

- О, по вашему виду сужу: кое-какие разъяснения вам необходимы как воздух, - весело проговорил шеф СП. - Ещё бы, наши эксперты бились над дешифровкой текста не один день. Знаете, эти азиаты - сплошная загадка... Ещё кофе?

- Благодарю. Правда мне кажется, что я, в основном, улавливаю смысл разговора. А кто эти люди?

- Оба - достаточно известные террористы. В своей ПРК пользуются большой популярностью. Только откровенно говоря, дорогой Петерсон, этих двоих я назвал бы не бандитами, но скорее мечтателями. Наши друзья из уголовной полиции в своё время сильно перегнули палку, озлобили курдов донельзя. Теперь вот приходится с ними "воевать" не на шутку. А жаль... Впрочем - с вашего разрешения. - Линдберг привстал и включил воспроизведение.

" - ... возьму твоих ребят, не возражаешь?

- О чём речь? Если только ребята будут согласны.

- Ты сомневаешься? Ты всегда сомневаешься... Деньги ведь неплохие.

- Деньги-то деньги...

- Так давай и встретимся как-нибудь, обмозгуем.

- А где?

- А то ты не знаешь? Да где обычно. Там много наших, а значит легавые не сунутся: когда нас много, они боятся. Договорились?

- Ладно. Завтра, в половину восьмого.

- Идёт.

- Да, как там твоя подготовка к свадьбе?"

- "Свадьба" на их жаргоне - это покушение, причём, как правило, покушение незаурядное, - заметив вопрос в глазах Петерсона, приостановил ленту Линдберг. - Так считают наши специалисты.

"Хороши ж "мечтатели"... - едва заметно пожал плечами Суне.

" - Всё нормально. Но только уж больно жених фигура заметная. А это сильно действует на нервы моим людям. Да и родственники не все одобряют; его популярность никак не сбросишь со счетов. Я организовал сбор информации через Мухаммеда. Знаешь Мухаммеда? Теперь он регулярно прогуливается у самого дома жениха.

- Вот это правильно. На твоём месте я бы тоже постарался сперва выяснить, когда вашего жениха никто не пасёт. А уж потом вы безо всякого труда разложите его на обе лопатки.

- Ну да. Но, слушай, мне надо бежать. Пока."

В динамике магнитофона что-то щёлкнуло - разговор оборвался.

- Вот так! Я надеюсь, ясно, герр Петерсон, кого они называют "женихом". Нам удалось выйти на упомянутого Мухаммеда, и сделать это было на удивление несложно. Просто взяли и установили наружное наблюдение за Нордлонгвэг, той самой, на которой жил премьер-министр, а также улицами, прилегающими к ней, и очень скоро засекли террориста. Сделано несколько фильмов, а наш архив пополнился многочисленными его фотографиями. Полюбуйтесь, если только есть желание.

Линдберг достал из ящика стола несколько снимков человека, обладавшего ярко выраженным восточным типом лица, худощавого и длинноволосого.

- Нетрудно заметить, что Мухаммед ведёт себя совершенно естественно, а такое поведение убедительно доказывает - наш "клиент" и не подозревает, что "засвечен" нами. Установив слежку, выяснили адрес. Затем, с помощью картотеки, познакомились с ним поближе. Довольно примечательная личность. Между прочим его действительно зовут Мухаммед; фамилия - Абаль. В нашей стране уже восемь лет. В настоящее время безработный. Один раз арестовывался полицией за участие в хулиганской акции по отношению к представительству турецкой авиакомпании. Отсидел полгода в тюрьме. Холост. Что ещё? По профессии каменщик. Пока нам больше ничего о нём неизвестно.

Петерсону ужасно льстило, что такая важная птица, как Линдберг, прямо-таки отчитывается перед ним. И он не смог удержаться от нахального вопроса. Ведь аппетит, без всякого сомнения, приходит во время еды.

- А почему бы вам не передать всю собранную информацию в полицию, герр Линдберг?

- Дорогой герр Петерсон. Мы ведь - профессионалы. И как раз в соответствии с этим стараемся строить работу. Наш с вами общий знакомый комиссар Рагнер зря порет горячку - так нельзя. Его рабочая версия не имеет под собой решительно никакой фактической основы, а он знай себе шагает по этому своему "курдскому следу". Зачем? - шеф СП пожал плечами. - Ну зачем, скажите, подливать масла в огонь? Ведь мы реально оцениваем обстановку: сегодня ни мы, ни, тем более, полиция - никто не имеет достаточно веских оснований, чтобы даже заикнуться о причастности курдов к убийству премьер-министра.

- Но ведь если...

- А, кажется, я понимаю, что вы хотите сказать. Если бы мы своевременно и должным образом отреагировали на эту информацию, то, возможно, убийства вообще б не приключилось, да? Не думаю... Вы в праве мне не верить, но, не смотря на все эти записи, я сильно

сомневаюсь, герр Петерсон, что курды хоть сколько-нибудь причастны к преступлению на Сен-тралвэг. Но пока это моя интуиция, и не более того.

- Вы позволите задать вам один щекотливый вопрос?

- Так они ж все щекотливые, - улыбнулся Линдберг. - Срашивайте, конечно.

- Ну а как же быть с соблюдением законности? Вы ведь записали телефонную беседу двух частных лиц, не так ли? Но если я не ошибаюсь, тайна переговоров охраняется нашими законами.

- Ого, герр Петерсон, - рассмеялся Линдберг. - Да вы, кажется, всерьёз решили подрывать всю нашу организацию - одним махом да под самый корень, а? Уличить нас ни больше, ни меньше - в антиконституционных действиях! - продолжал он с деланной весёлостью, от которой Суне стало совсем уж не по себе. - Браво! Стоит только положить вам палец в рот, как вы норовите оттяпать всю ладонь, - вдруг шеф СП мигом перестроился на серьёзный тон. - Никакого нарушения тут нет. Закон запрещает акустическое прослушивание, а вовсе не перехват электронных сигналов. Ну посудите сами: да разве ж стали бы мы заниматься противоправной деятельностью, а, герр Петерсон?

* * *

- Хм, двойственное у меня впечатление, Иоган. Лучше и не скажешь. Право слово, они ведут себя как дети, - Петерсон глотнул вина из бокала.

Он и его приятель, преуспевающий банкир Иоган Валенстронг, представитель известнейшей в финансовых кругах страны фамилии, вместе ужинали в ресторане "Европа" - одном из самых престижных в столице.

- Они?

- Ну да, они, - с жаром продолжал Суне. - Наши журналисты. Понимаешь ли, уж кто-кто, а я о работе полиции знаю не понаслышке; ещё бы, ведь там у меня масса друзей. Ну а теперь, когда поближе познакомился с деятельностью СП, имею прекрасную возможность сравнивать. Так вот: именно Линдберг со своими людьми вплотную стоит к разгадке тайны преступления. Понимаешь? Голову готов дать на отсечение.

- Не торопись, мой друг. Не торопись расстаться с головой-то.

- Я знаю, что говорю, Иоган. Выслушаешь ты меня, наконец, полностью или нет? Верно, и те, и другие во всю прыть разрабатывают "курдский след" - да, звучит дико, согласен. Это ж и слону понятно. Но суть совсем не в том. Не в том, что опытный детектив Рагнер и убеждённый сединой Линдберг одновременно впадают в маразм. Оба в своём уме. Нельзя всё упрощать до такой степени. Впрочем, не знаю уж как комиссар, а шеф СП полностью отдаёт отчёт в собственных поступках. Желает доказательства? Пожалуйста.

Оказывается, в руки секретной полиции ещё задолго до преступления попадают документы, из которых явствует, что готовится покушение на премьер-министра. Удаётся подслушать несколько важных телефонных разговоров, которые ведут между собой террористы. Затем за неким курдом, регулярно совершающим прогулочные моции у самого дома Улафсона, устанавливается наружное наблюдение... Очень может быть, у Линдберга есть и другие веские причины, чтобы присмотреться к курдам повнимательнее. Вряд ли он познакомил меня со всеми своими материалами. Но увиденного и услышанного мною уже достаточно с лихвой, чтобы тайной полиции всю держать ушки на макушке. Однако ж СП, прямо отвечающая за безопасность Улафсона, не только не предпринимает **реальных** шагов для обеспечения этой самой безопасности, но вечером двадцать восьмого февраля оставляет своего подопечного вообще безо всякого прикрытия. Это как: ошибка или недоразумение?... Может, неумение, некомпетентность... А, Иоган?.. То-то и оно: герр Йоран Линдберг не зря так любит время

от времени подчёркивать профессионализм своих орлов. На то у него и в самом деле есть веские основания.

- Да, это любопытно, - сдержанно согласился Валенстронг, с безмятежным видом копавшийся в своей тарелке. До такой степени сдержанно, что Петерсон только диву дался.

- Оказавшись в штаб-квартире СП, я конечно ж постарался использовать такую редкостную возможность на все сто. Не могу не поблагодарить тебя, кстати, за помощь, - увлекаясь собственным рассказом всё более и более, Петерсон, при всём при том, не забыл отвесить приятелю учтивый поклон.

- Да брось ты в самом деле...

- И вот, мне удалось установить, скажем так, неофициальный контакт с двумя оперативниками, занятыми расследованием убийства премьер-министра... Ты извини, Иоган, мне пришлось пообещать им в общем-то кругленькую суммочку.

Петерсон мельком взглянул на приятеля. Валенстронг совсем не был похож на человека, довольного услышанным.

- О, господи!.. Ну мы же с тобой, кажется, договаривались, старина. Не надо о деньгах. Я целиком и полностью полагаюсь на твой здравый смысл. А игра - уж поверь мне - стоит свеч.

Суне чертовски хотелось пожать плечами - что за бред? какая ещё такая игра?..

- Не стану вдаваться в подробности - буквально в двух словах. Эти двое рассказали мне, что недавно им удалось выйти на боевика из числа курдов, страстно желающего порвать со своими бывшими единомышленниками. Оперативники называют его "источник информации "А". Отчаянные попытки заинтересовать руководство СП перспективами работы с этим агентом были обречены на неудачу, вот почему ребята с неподдельной радостью откликнулись на мои предложения: они будут держать нас в курсе событий, не за просто так, разумеется; а я, в свою очередь, твёрдо пообещал им, что сумею обработать кое-кого из влиятельных лиц в СП, полиции, парламенте, правительстве с целью убедить их в целесообразности работы с "А"... Да, Иоган?

- Как их зовут?

- Кого?

- Как кого? Этих твоих информаторов?

- Да тебе-то зачем, Иоган, всякими мелочами забивать голову? Чем меньше в башке всякой всячины, тем крепче спишь. Скажи ещё, что я не прав.

- Нет, нет. В таком деле, дружочек, мелочей не бывает. Ну да ладно, ты неплохо потрудился, Суне, - сказал Валенстронг, вытирая губы белоснежной салфеткой. - Классная работа, и в дальнейшем мы с тобой ещё не раз вернёмся к обсуждению проблем наших друзей из СП. Ну а на сегодня - довольно. Сколько ж можно о делах? Как насчёт виски под омара, старина? Насколько я помню, здесь постоянно предлагают превосходный гленливет². Или ты всё-таки предпочитаешь водку?

ИРАК. Декабрь 1984 года.

Кошмары, виденные на фронте, стоило ему лишь на секунду сомкнуть веки, навязчиво вставали перед глазами. Кровь, грязь, разрушения, человеческие страдания - неразлучные спутники войны - оставили в памяти неизгладимый след. К несчастью, всякий раз, когда премьер-министру доводилось видеть плоды насилия - над человеком ли, над природой - без разницы, он начинал испытывать самое настоящее физическое недомогание. Ненавидел себя за это, но таков уж он был - Таге Улафсон!

Почему-то ему вспомнились юношеские годы...

² Сорт виски, приготовленный из проросших зёрен ячменя.

...Только-только делавший первые шаги в своей политической карьере, Улафсон в качестве председателя государственного молодёжного объединения совершал продолжительное зарубежное турне. Вот тогда и пришлось побывать впервые в охваченных пожаром страшной войны Вьетнаме, Лаосе, Камбодже.

Улафсон, принадлежавший к поколению людей, родившихся задолго до Второй Мировой, до той поездки знал о войне лишь понаслышке, видел её только на экране да на страницах книг, газет, журналов. А теперь довелось наяву. Оцепенев, стоял он и взирал на бесчисленные разрушения - следы кровавой бойни. Невольно пришла на память прочитанная давным-давно, ещё в детстве, книга русского писателя Льва Толстого “Севастопольские рассказы”, так взбудоражившая юную душу.

Россия пятидесятых годов прошлого века, размышлял он; Индокитай спустя почти сто лет... Какую ужасающую огненную параллель прочертила сквозь пространство и время между этими неимоверно далёкими географическими точками война. Нет, тогда, ребёнком, он, как оказалось, совершенно не понял Толстого. Постиг только теперь. И в мозгу впервые вызрели вопросы, потом терзавшие постоянно, всю жизнь: для чего? зачем? кому это нужно? Разум-то знал - для чего; всякий раз угодливо пытался подсказать - кому и зачем. Но сердце - то всегда отказывалось слушать голос разума. Иначе сердце не могло - не знать для него выходило предпочтительнее, чем знать и молчать.

Улафсона сызмальства приучали быть справедливым, и он изо всех сил старался быть таковым. И получалось, как уверяли газеты. Ещё в студенческие годы мечтой Таге и его политическим идеалом раз и навсегда становится демократический социализм, путь к которому должен был быть проложен через реформы - без насилия и революций, без крови и жертв. В том, что капитализм обречён исторически и гибель его предрешена, Улафсон был глубоко убеждён. Но, считал он, гибель эта ни в коем случае не должна стимулироваться искусственно, никем и ничем.

После памятной поездки в Индокитай минуло лет десять. Уже успев набрать изрядный политический вес, уже занимая пост министра просвещения, Таге без колебаний встал в ряды активных борцов против агрессии США во Вьетнаме: он всю участвовал в митингах, и как-то раз возглавил мощную демонстрацию протеста у здания американского посольства. Таге перешёл от слов к делу; он отважно вступил в сражение с теми, кто нуждался в человеческой крови для умножения своего богатства. Его отговаривали друзья, старшие сотоварищи по “политическому цеху”... Но Таге был упрям - он шагал напролом. В декабре семьдесят второго года, когда “летающие крепости”³ ещё всю забрасывали бомбами Ханой⁴, Улафсон, несколько не стесняясь в выражениях, публично сравнивал эти налёты с преступлениями, творимыми немецкими фашистами. Кое кого в Вашингтоне смелые и резкие выступления молодого политика просто выводили из себя.

А потом к нему пришла **власть**...

...Премьер с великим трудом оторвал от стола изрядно отяжелевшую от невесёлых воспоминаний голову. Да, нынче у него реальная, большая власть. Но всегда ли умело он пользуется ею? Всегда ли остаётся верен принципам своей политической молодости? Для сограждан, многие из которых чуть ли не боготворили его - всегда. Но известна ли им, согражданам, вся подноготная? Да разве ориентируются они в дьявольских хитростях приготовления блюд на политической кухне?

Раньше на карту была поставлена лишь его собственная карьера, его личная судьба. Потому он никого, ничего и никогда не боялся - рисковал. И выигрывал. Но теперь... теперь

³ Неофициальное название американских бомбардировщиков Б-52.

⁴ Соглашение о прекращении войны и восстановления мира во Вьетнаме было подписано 27 января 1973 года.

вот уже много лет от его действий и поступков зависела судьба целой партии, которую Улафсон имел честь возглавлять, её успех в борьбе за голоса избирателей...

...Дверь гостиничного номера премьер-министра отворилась, и на пороге появилась его давнишняя знакомая Джулия Лансбери собственной персоной. Одета в строгое вечернее платье, выгодно подчёркивающее великолепную фигуру, женщина как всегда выглядела неотразимо.

С дочерью британского лорда и крупного банкира они познакомились действительно давно - ещё в Америке, в Гарвардском университете, на вечеринке в доме у одной общей приятельницы. И с самого начала установили между собой равные дружеские отношения, которые постепенно перерастали во взаимную привязанность. Будучи женщиной умной и свободной в своих занятиях, в последнее время Джулия частенько и с удовольствием сопровождала Таге в зарубежных поездках, особенно по линии ООН, ухитряясь с блеском выполнять роль личного секретаря премьер-министра. Хотя ему тысячу раз говорили, что частые появления на официальных мероприятиях в сопровождении очаровательной леди Лансбери при определённых обстоятельствах могут быть превратно истолкованы "акулами пера", которые на это большие доки, Таге, в обществе Джулии чувствовал себя на удивление комфортно, даже думать не желал ни о какой замене. Упрямство? Чистой воды упрямство. Улафсон и сам не мог уразуметь, с какой стати он готов скорее иметь лишние неприятности, чем отказаться от секретарских услуг леди Лансбери. Ну и ладно, - обычно отвечал он себе после очередной тщетной и мучительной попытки дать ответ на столь интересовавший имидж-мейкеров вопрос. - Пусть знают, что премьер-министр - тоже человек, а не дурацкая машинка для проведения пресс-конференций.

- А... добрый вечер, Джулия. Да у тебя просто дар предвидения - ты появляешься именно тогда, когда мне больше всего недостаёт твоего присутствия.

- Чудак. Ведь ты же сам просил меня зайти. Забыл? Ну что ты такой мрачный, а? У тебя что-нибудь болит?

- Болит?.. Я вот сижу и думаю, Джулия, всё ли я делаю - как эмиссар ООН, как премьер-министр, как политик... как человек, мужчина, чёрт меня побери... - всё ли я делаю, чтобы прекратить это ужасное братоубийство?

- У-у! Нашёл же ты, однако, о чём думать вечерами!.. Мне кажется, ты делаешь всё, что можешь. Однако ты ведь не Господь Бог, Таге Улафсон, а потому не всемогущ.

Улафсон резко преобразился. Вскочив со своего места, он энергичными шагами смерил гостиную.

- Да нет же! Нет! Не всё! Ты специально врёшь мне, чтобы успокоить. Не надо. Не делай так никогда!

"А нет ли у него жара," - с тревогой подумалось вдруг леди Лансбери.

- А эти... как же они смеют, Джулия? Эти! Мои соотечественники. На первый взгляд такие же, как все, о двух руках, о двух ногах!..

- О ком ты, Таге?

- А-ах, ты не понимаешь... Почему-то считается, что я всегда должен молчать. Но от этого проклятого бездействия я всё время чувствую себя не в своей тарелке. Чувствую по-дле-цом! И я больше не могу так. Наши торговцы оружием вытворяют, что хотят. Мнят себя хозяевами положения. А мы только разводим руками да время от времени наносим уколы, сравнимые разве что с комариными укусами. Но кровь-то продолжает литься рекой. И чем полноводнее эта жуткая река, тем туже их кошельки, и сами они сильнее и нахальнее... Господи, что делать, Джули?

Улафсон обессиленно опустился на стул и закрыл лицо руками.

- Мне кажется, Таге, - ровным и убедительным голосом начала Джулия после небольшого раздумья, - перво-наперво тебе следует успокоиться и отдохнуть. Риск, спору нет, огромен. Ты

ведь и сам прекрасно понимаешь, что если встать у этих людей на пути, они ни за что не простят и ни перед чем не остановятся. Потому прежде чем предпринять хоть что-нибудь, умоляю, хорошенько обдумай и взвесь - стоит ли. Горячность и торопливость - плохие союзники. Я очень боюсь за тебя, Таге, - добавила она тихо. - И хочу, чтобы ты знал об этом.

- Боишься?.. Вздор. Ты предлагаешь мне как прежде довольствоваться малым, фактически заниматься попустительством преступникам? Скорее всего тебе просто неизвестны масштабы этого свинства. Завтра в нашем посольстве будет маленькое совещание. За закрытыми дверями. Но я хочу, Джулия, видеть тебя там. Понимаю - странная, глупая просьба. Тем не менее - приезжай. Не знаю как объяснить, но мне очень хочется, чтобы тебе было известно всё.

* * *

- Уважаемая фрёкен Лансбери, герр премьер-министр, господа... - По привычке взыскательно оглядев аудиторию, инспектор МИД по контролю за вооружениями адмирал Шённен начал свой доклад.

Ингвар Шённен уже достаточно давно занимал свой ответственный пост, и годы службы в МИДе отнюдь не отняли у него прежней военной выправки - она чувствовалась во всяком движении адмирала. Поджарый, всегда подтянутый, аккуратно причёсанный, по обыкновению строго и чуть-чуть консервативно одетый, он чеканил каждое слово, и Улафсон, подобно большинству присутствовавших на совещании, невольно любовался “самым сухопутным адмиралом Королевского флота” - так окрестила Шённена пресса.

- ...заинтересованные фирмы чаще всего используют простой, но исключительно эффективный способ поставки вооружений - через третьи страны, - говорил Шённен. - Такого рода контакты наших оружейников с представителями некоторых зарубежных государств имеют долгую историю. В подтверждение своих слов могу привести следующий пример: ещё двадцать один год назад Государственная оружейная фабрика заключила с министерством обороны одной из европейских стран контракт, который предоставлял этому военному ведомству в “определённых кризисных ситуациях” - так говорилось в документе - право на реэкспорт закупленной продукции. Умело используя полученную лазейку, руководство фабрики не мудрствуя лукаво указывало в сопроводительных документах конечным пунктом поставок данную европейскую страну, а уже оттуда оружие совершенно беспрепятственно отправлялось в различные горячие точки. Нами установлено, что таким образом удалось осуществить поставки на сумму один миллиард четыреста миллионов долларов - почти в тридцать государств мира. В том числе и сюда, в зону Персидского залива. Торговля в основном велась гранатомётами и боеприпасами.

В середине шестидесятых годов правительство ввело запрет на поставки оружия в Австралию ввиду фактического участия этой страны в войне в Индокитае на стороне США. А двумя годами ранее Министерство обороны Австралии закупило у нас пять тысяч гранатомётов “Густав”, первая партия которых, состоявшая из четырёхсот шестидесяти штук, уже должна была быть полностью подготовлена к отправке на “зелёный континент”. Официальная Канберра мгновенно выразила своё недовольство правительственным решением. Однако вскоре удалось найти обходной путь, и причины для неудовлетворённости исчезли сами собой. Одно государство-посредник, перекупив у нас все пять тысяч единиц, немедленно перепродало гранатомёты австралийцам. Многим из вас должны быть памятли эти события, господа...

...Из всех присутствовавших именно Таге Улафсону скандал вокруг “австралийских” гранатомётов должен был помниться наиболее ярко. Как раз тогда, когда искусные изделия оружейников всюду демонстрировали свою разрушительную мощь в джунглях Вьетнама, Таге, ещё мало кому известный министр просвещения и культов, самолично возглавил факельное

шествие протеста по улицам столицы. Реакция Госдепартамента США последовала незамедлительно: американский посол срочно выехал из страны в Вашингтон “для консультаций”. Да и можно ли было ждать чего-то иного? Возмущению американской стороны не было предела - газеты всего мира тотчас с великой охотой поместили на своих страницах фотографию молодого министра в компании с полномочным представителем Северного Вьетнама...

- ...Совсем недавно к нам в руки попали документы, которые удостоверяют факт поставок нашего оружия в некую страну “5”. Название какого государства прячется за этим шифром, нам доподлинно неизвестно. Эксперты считают весьма вероятным, что речь идёт о ЮАР. Сумма поставок немалая - около пятисот миллионов.

Шённен обвёл глазами аудиторию. По реакции слушателей было понятно, что для них все эти факты - не новость. Если уж не в деталях, то в принципе. Лишь только на одном единственном лице отражалось неподдельное удивление - на лице секретарши премьер-министра.

- Нельзя, мне думается, не упомянуть о противозаконной деятельности нашей крупнейшей оружейной компании “Фёрс-форс”. Она, эта деятельность, грозит когда-нибудь вылиться в крупный международный скандал, поскольку концерн в своих операциях частенько заходит чересчур далеко.

Замечу, что исполнительный директор концерна Макс Арбен лично участвует в организации противозаконных поставок ракетного вооружения и другой продукции, предназначенной для использования в военных целях, в “зоны риска”. И делает это весьма успешно. Сюда, на ирано-иракский фронт, например, фирма “Ф-форс” благодаря его стараниям умудряется поставлять взрывчатку и ракеты как той, так и другой воюющей стороне. Что тут скажешь: редкая беспринципность и цинизм! Но Арбен, увы, не одинок. Нам стало известно, что как раз в эти дни крупный держатель акций промышленной группы “Фёрс индустри”, входящей в “Ф-форс”, некий Карл Хендрик Молин готовит сделку, размеры которой по некоторым оценкам составят кругленькую сумму - пятьсот-семьсот миллионов, не менее. На сей раз покупателями взрывчатки являются иракские представители. И как всегда, несмотря на наличие своевременной информации о подготовке незаконной торговой операции, у нас практически отсутствуют возможности помешать “Ф-форс”...

Шённен в очередной раз посмотрел на слушателей. Его взгляд невольно задержался на советнике посольства по экономическим вопросам, который внимал адмиралу с откровенной скукой и равнодушием, застывшим на физиономии. Ну к чему вся эта болтовня, - наверное, хотелось сказать дипломату. - Зачем тратить время, рассказывая нам нескончаемые байки, финал которых давно известен каждому. Это мы тут, в Багдаде, вкалываем напропалую, забыв о сне и отдыхе, а вы - в столице... Чем вы там занимаетесь с своих инспекциях и комиссиях, что у вас извечно “практически отсутствуют возможности...”?

Пахарь, словом... Шённена начало разбирать зло. Ему захотелось ответить герру советнику, так ответить!.. Однако...

- Господа, поверьте мне - человеку, обладающему немалым опытом общения с людьми типа Арбена и Молина. Это печально, но у нас действительно отсутствуют возможности помешать им. Вы вольны думать обо мне что угодно, но я, надеясь на ваше благоразумие, считаю своим долгом всё же предостеречь каждого, сидящего в этом кабинете, от необдуманных и поспешных шагов.

* * *

⁵ - “ми”, двенадцатая буква греческого алфавита.

В перерыве совещания Шённен, едва только улучив момент, когда Улафсон остался в одиночестве, решительно подошёл к премьер-министру.

- Простите, господин премьер-министр, я бы хотел поговорить с вами с глазу на глаз. И, если можно, максимально откровенно.

- Ну конечно же, мой дорогой адмирал. С удовольствием побеседую с вами, - Улафсон по-дружески взял Шённена за локоть и повёл его к столику с напитками, стоявшему в самом углу просторного холла. - Пойдёмте. Там нам никто не сможет помешать.

- Из вашего выступления, Таге, становится ясно, что вы решили всерьёз заняться деятельностью концерна “Ф-форс”. И это правильно, конечно... Но не через чур ли уж решительно вы настроены? У меня создалось впечатление, что вы попросту недооцениваете всю эту развесёлую компанию. Неразумно. Ведь Арбен, Молин и иже с ними - сильные противники. Очень сильные. Опытные, жестокие, да и решительности им не занимать. Не улыбайтесь, Таге; ведь я варюсь в этом соку уже не первый год и отлично знаю их возможности и повадки. Поверьте, на сегодняшний день они совершенно неуязвимы для нас, а потому открытый конфликт с ними может иметь самые нежелательные последствия. Я слишком дорожу вами, чтобы позволить себе лишний раз не напомнить об этом и не сказать: хорошенько подумайте, Таге, на что идёте.

- Я высоко ценю тёплые чувства, которые вы питаете ко мне, адмирал. Но постарайтесь меня понять. Выступление, которое вы только что слышали - не поза. Это крик души. Ну что может быть страшнее моего всегдашнего положения - знать и бездействовать и вечно чувствовать за плечами бремя огромной ответственности. Надо вам заметить, что дружеские предупреждения, подобные вашему, мне не в диковинку, но я и сам прекрасно отдаю себе отчёт в возможных последствиях грядущей схватки с “Ф-форс”. Вы, конечно, вправе посчитать меня наивным чудаком, но ведь за мной Закон. И чувство здравого смысла. Мы не Штаты и не Россия. Ну разве можно допустить, чтобы наша крохотная страна торговала оружием направо и налево? А коли допускаем, то за это нам с вами, Ингвар, отвечать перед Господом Богом на Страшном Суде.

Решение принято, дорогой мой адмирал, и не стоит меня отговаривать. Убеждён, что с божьей помощью мы всё-таки перекроем им кислород!

А вечером адмирал Шённен записал в своём дневнике: *“Всё-таки отношение Улафсона неправильное, неделовое, неуместное. И я уверен, что Макс А. на все сто процентов постарается использовать это обстоятельство в своих интересах.”*

Г л а в а 11

“Какого чёрта я тут торчу?”, - имел все основания спросить у себя комиссар Берг. И в самом деле, его пребывание на Центральном пункте полицейского управления, куда стекалась вся информация о происшествиях, случившихся в столице, со стороны казалось по меньшей мере странным. Все тутошние сотрудники уже давно поспешили сбежать домой, и имевший вид агнца, предназначенного на заклание, начальник дежурной смены, неустанно бросал на комиссара недвусмысленные косые взгляды. Ведь это ж идиотизм какой - так долго засиживаться на службе. Уж не попросить ли, мол, этого ненормального посидеть немного в мягком кожаном кресле, раз ему так нравится рассматривать лампочки и переключатели и абсолютно ничем заняться дома?

Но комиссар и не думал задаваться подобным вопросом. Напротив, ведь на свидание со всемогущим электронным мозгом Берг всегда стремился с радостью великой, будто дикарь на поклон к своему божеству. Он сам не понимал толком, что влекло его сюда. Может статься, терзала неосуществлённая мечта: когда-то комиссар мечтал стать совсем не полицейским, но инженером-программистом.

Сегодня мысли Берга были отнюдь не о далёком прошлом, не о милых сердцу “умных” машинах. Думал комиссар о делах более насущных, которые, увы, никак не хотели ладиться.

Случилось так, что после убийства премьер-министра один из свидетелей, попытавшись преследовать бросившегося наутёк преступника, сразу же наткнулся на белый автомобиль Берга. Спросил: не ищут ли полицейские только что стрелявшего человека. И Берг ответил ему утвердительно - нервы подвели. Ответил, а после понял, что допустил крупный промах, что сигнала тревоги сюда вот, на пункт управления, ещё не поступало, а, следовательно, полицейские патрули просто физически не могли ещё ничего знать о только что свершившемся преступлении.

И вот ведь незадача - именно Седерстрёму выпало допрашивать злополучного свидетеля. Естественно, тот дал подробное описание человека, сидевшего в белой полицейской машине, и смыслённый инспектор в миг стал смекать, что к чему. Вот что интересно - комиссар потом наводил справки - свидетель, которого звали Михаэль Клеменс, оказался по профессии учителем пения. Берг ещё тогда, сидя в машине, предполагал нечто подобное. По кислой и противной мине догадался. Он терпеть не мог музыкантов, художников и поэтов и, как ему казалось, видел их насквозь.

Седерстрём принялся за работу. Он стал усердно принохиваться к Гранту, к Ральфу, а при встрече с самим комиссаром щедро одаривал его многозначительными взглядами. Каждый день Берг чувствовал себя крайне неловко, будто бы его без устали окунали в огромную лужу.

Размышляя, Берг безо всякой цели смотрел на монитор компьютера, сопряжённого с аналогичным пунктом управления пожарной охраны города. А по тёмному экрану безостановочно бежали красивые ровные буквы и цифры:

НОРДСТРАНД. 10/16. 21:10. ПОЖАР, ВОЗНИКШИЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВОЗГОРАНИЯ ЭЛЕКТРОПРОВОДКИ, ПЕРЕКИНУЛСЯ НА СОСЕДНЮЮ КВАРТИРУ. ПО ВЫЗОВУ ОТПРАВЛЕНА МАШИНА НОМЕР 6А17. ПРИБЫТИЕ НА МЕСТО 21:16. НАЧАЛО ТУШЕНИЯ ПОЖАРА 21:19. ОЧАГ ЛИКВИДИРОВАН ПОЛНОСТЬЮ 22:03. ВИНОВНЫЕ УСТАНОВЛИВАЮТСЯ. УЩЕРБ...

ТУЛЛЕНВЭГ... НЕОСТОРОЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ СО СПИЧКАМИ... ЛАРС ДИГГЕН, 10 ЛЕТ... УЩЕРБ...

ВИЛЛА КАТАРИНА, НЮВАТЕРВЭГ, 139...

Как бывало и прежде, под мерный шум машины расшатанные нервы Берга постепенно стали приходить в порядок, как вдруг...

СЁДЕРВЭГ. 38/65., - увидел он на экране. - ВЫЗОВ ПРИНЯТ 23:10. НА ВЫЕЗДЕ МАШИНА...

В одно мгновение Берг вскочил на ноги, чем привёл начальника дежурной смены в состояние неопишемое. Комиссар принял решение. Он не мог позволить себе удовольствие мешкать. Ведь комиссар слишком хорошо знал, что это за адрес!

* * *

\$- Терпеть не могу полуночных вызовов. - Сказал пожилой инспектор пожарной охраны Туре Туренсон водителю Пэру Энсону, захлопывая дверь машины.

Машина, надсадно заурчав мотором, рванула с места будто ракета, и понеслась по засыпающим улицам города красной стрелой, привлекая к себе встревоженные взгляды редких прохожих.

- Не забыл включить мигалку, Пэр? - А нет никакой необходимости, шеф, мы уже у цели.

Машина въехала во двор ничем не примечательного пятиэтажного дома. Пэр Энсон резко дал по тормозам, и пожарники остановились у нужного подъезда.

Здесь их уже поджидал мужчина с основательно всклокоченными редкими волосами, облаченный в сине-белый тренировочный костюм. Его возмущение не знало границ.

- Ну наконец-то! Вас пока дождётся - всю улицу затопит. Быстрее, прошу вас! Сюда. - ?!! - Да вы что - ненормальный?! - Первым не смог сдержать своего праведного гнева Энсон. - Куда ж это годится, а? Мы гоним, как угорелые, по ночи, а выходит - чтобы спасти утопающих? Сантехников надо вызывать в таких случаях, дядя, а не пожарных.

- Да ладно, ведите нас. - Примирительно проговорил Туренсон, который терпеть не мог конфликтов. - Энсон! Густавсон! Лом, топор, багор и - со мной. Быстро!

- Вот так бы давно... давно бы так... - Другим совсем тоном запричитал ошарашенный "погорелец". - Сюда, пожалуйста. Здесь невысоко подниматься. Я живу на втором этаже, как раз под шестьдесят пятой квартирой. Вы знаете, просто кошмар какой-то!

Пожарные переступили порог, и тотчас под ногами захлюпало - в подъезде всюду стояла вода.

- Сначала на потолке появились мокрые пятна, потом стала осыпаться штукатурка. Постучал наверх шваброй - не помогает. Решил подняться к соседу. Очень не хотелось - он у меня странный какой-то, нелюдимый. А когда вышел на лестницу - везде потоп. Я долго барабанил - никто не открывает.

Тем временем они уже подошли к массивной двери шестьдесят пятой квартиры. Поскольку все соседи конечно же не замедлили высыпать из своих квартир на лестницу, то к радости Туренсона недостатка в свидетелях не было. Ведь вода всё текла и текла из-за двери, и её срочно надо было ломать.

- Ох ничего себе - запоры! - Проговорил Туренсон, орудуя топором и от души кряхтя при этом. - А полицию-то вызывали?

- Да какая там полиция?.. Набрал первый номер, пришедший на память.

- Вот то-то и оно! Туренсон уже хотел отослать своего шустрого водителя вызвать полицию. Но тут как раз Энсон и Густавсон поднажали, и дверь поддалась. И первое, что они увидели - море воды. - Эрвин, быстро перекрой кран! Остальные тотчас бросились в разные комнаты. В том, что в кварти

ре труп, никто и не думал сомневаться. Энсон ворвался, просто вплыл в небольшой кабинет и... онемел от

неожиданности. На стенах, на столе, на полочках, даже на потолке - перед ним был настоящий музей нацистской символики. Флаги со свастикой, портреты главарей третьего рейха, коллекция наград, полностью оборудованные комплекты немецкой военной формы времён Второй Мировой, при погонах и регалиях... Вдобавок, повсюду красовались образцы холодного и огнестрельного оружия. Такого Пэр не видел никогда!

"Ой-ля-ля!" - Сказал он про себя. Оправившись от оцепенения, шофёр поспешил в другую комнату. Но и в ней никакого трупа не обнаружилось. Зато Туренсон нашёл

в этой низенькой и мрачноватой комнатухе целый склад дорогостоящей аппаратуры: от высококачественных микрофонов и причудливых на вид сложных антенн до видеоманитрофонов, телевизоров, радиостанций. - Я смотрю, многое тут предназначено исключительно для подслушивания и перехвата. - Уверенно констатировал Туренсон, радиолюбитель со стажем. Он огляделся. - Кстати, это и есть ваш сосед?

Все посмотрели на большой, хорошо выполненный портрет мужчины с тонкими усиками и холодными глазами, заключённый в дорожную рамку.

- Нет, что вы. Вам просто повезло, что вы никогда не видели моего соседа.

- Кажется, я знаю кто это. - Сказал только что подошедший Густавсон. - Как-то раз видел по телевизору. Это какой-то политик, из нацистов.

- Мрачноватая квартирка. - Нарушил установившееся было молчание Энсон. - А соседняя комната, между прочим, полным-полна нацистского барахла...

- Сдаётся мне, тут дело серьёзное. А ну, Энсон, сгоняй-ка всё-таки, позвони в полицию.

И в этот самый момент на лестничной площадке послышалось хлюпанье воды, и в дверь один за другим вошли четверо. Трое были в форме, один - в костюме - очевидно старший. Последний явно был на взводе.

- Добрый вечер, господа. Комиссар полиции Берг, попрошу вас покинуть помещение.

- Господин комиссар. Я - инспектор пожарной охраны Туренсон. Дело в том, что в этой квартире...

- Прошу покинуть помещение. Немедленно.

Туренсону было очень неловко. Ну зачем же так? При подчинённых... ведь комиссар, похоже, много младше по возрасту. И вдруг его, инспектора Туренсона, как мальчишку, бесцеремонно - за дверь... Зачем?

Но полицейский в штатском не унимался. - Инспектор, я не намерен ждать. Немедленно прикажите вашим людям покинуть квартиру. Чем меньше вы будете здесь находиться, тем лучше для вас. Причём учтите: о том, что вы видели здесь, рекомендую забыть.

Почувствовав состояние шефа, первым вышел Энсон. За ним, как побитая собака, Густавсон. Что же касается потерпевшего, то видимо обладая отличным природным чутьём, он счёл за благо убраться по добру по здорову ещё в самом начале разговора.

В душе Туренсона нестерпимо ссадила обида. Никогда ему не было так стыдно за себя. Человек не робкого десятка, неудержимо храбрый в борьбе с огнём, лейтенант часто терялся в обычных стычках с людьми.

И что-то произошло с ним - Туренсон сам не ожидал от себя такой прыти: он проговорил громко и чётко: - Я не собираюсь молчать, комиссар. Вы не сможете закрыть мне рот. Я не знаю, что за тайна такая сокрыта за всем этим. И знать не желаю - быть может, это действительно не моё дело. Но я никогда и никому не позволю...

Он не договорил - сделал энергичный рубящий жест рукой, будто хотел отмахнуться от своего позора, и, поколебавшись доли секунды, решительно пошёл прочь.

На следующий день сменившийся с дежурства Туренсон решительно отправился в полицейское Управление. Бьёрн Хёглунд очень внимательно выслушал сбивчивый, но подробный рассказ пожилого лейтенанта.

- Та-ак! - Протянул он, и, когда Туренсон вышел, решительно взял в руки телефонную трубку.

Через пять минут обо всём, приключившимся на Сёдервэг, тридцать восемь, знал инспектор Седерстрём.

И ему было над чем подумать...

Г л а в а 12

- Прекрасная работа, Берг. Кажется, дело неумолимо приближается к развязке, а?

Комиссар Рагнер подошёл к окну и открыл жалюзи. Холодный закат окрашивал всё вокруг в желтовато-розовые, мертвенно-бледные цвета. Он молча постоял немного, достал сигарету, сухо щёлкнул зажигалкой и тотчас окутался весь клубами ароматного дыма.

- Извините, шеф, но что-то я не склонен разделить ваш оптимизм.

Наоборот - чем больше мы работаем, тем меньше во мне остаётся веры, что хоть что-нибудь у нас с вами выгорит. Давайте-ка плюнем на всё и предоставим копать в курдском дерьме ребятам Линдберга. Право же, они заслужили такую честь. - Губ комиссара Берга коснулось некое подобие усмешки. - Мы поставили на оч-чень тёмную лошадку, которая доползёт

ли вообще до финиша? Ведь ваш приятель Седерстрём весьма преуспел, а, шеф? Ну скажите, кто всерьёз сегодня воспринимает нашу версию?

Рагнер резко повернулся лицом к собеседнику. - Вот именно! А всё потому, что до сих пор практическая отдача от

нашей с вами совместной работы была ничтожной. Но наконец-то у нас появился шанс, Берг, который мы ни в коем случае не должны упустить. А вы предлагаете отдать всё на откуп СП... Нам нужны факты, за которые мы могли бы уцепиться. Поверьте мне, что в конечном счёте никого не будет интересовать, каким образом мы их добыли. Главное - результат.

Берг отреагировал на эти слова как-то неопределённо - он не то согласно кивнул, не то недоумевающе пожал плечами. И комиссару Рагнеру это заметно не понравилось.

- Темнеет быстро... - Неуверенно проговорил Берг. - Так когда будем начинать?

- Оптимальный вариант: около полуночи. Скажем, без пятнадцати двенадцать.

- Прекрасно. - Берг взглянул на часы. - Пока есть время, пойду дам кое-какие указания, проверю готовность.

Рагнер проводил его многозначительным взглядом. Потом он нажал на кнопку вызова секретарши. Спустя мгновение стал

жать нетерпеливо, нервно и настойчиво. В кабинет вбежала молоденькая секретарша комиссара Кларин Ньюбро

тен. На ней была наглухо застёгнутая тёмно-синяя блузка и чёрная, строгого фасона юбка. Шеф терпеть не мог фривольности в одежде; как-то раз он крепко отчитал её за “слишком вызывающую манеру одеваться”. Кларин хорошо помнила, как было обидно, но она стояла смирно, низко опустив голову. Это ещё что, ей приходилось терпеть унижения и похлеще. Она вынуждена была дорожить своим местом; и не просто потому, что девятнадцатилетняя девочка одна жила в столице - без отца и без матери...

Но шеф, тот хотя бы не приставал к ней. А вот от молодых дружков комиссара Берга, случалось, проходу не было. Они-то вели себя с Кларин, как со своей собственностью, то и дело беззастенчиво распуская языки и руки. И этих нужно было терпеть. А что ей ещё оставалось делать? Она не знала.

Существовала одна веская причина, заставлявшая Кларин Ньюбротен рабски покоряться всем этим подонкам. Дело было в том, что её, совершенно запутавшуюся в недоступной для понимания провинциалки столичной жизни, Берг устроил сюда год назад, буквально вытащив предварительно из одного нелегального публичного дома.

Неискушённая, неопытная, всеми покинутая, без документов и без средств к существованию, она оказалась в сетях банды гангстеров и сутенёров, где ей совершенно недвусмысленно было предложено переступив порог борделя, зарабатывать собственным телом на хлеб насущный. Просидев первый вечер с ума от тоски и безысходности, она было окончательно решила свести счёты с жизнью, когда вдруг показалось - пришло спасение: с облавой нагрянула полиция... Совершенно неожиданно для неё самой, прежняя кабала сменилась ещё худшей; теперь только у Берга и его товарищей. Документов ей так и не вернули, зато дали понять, что в случае чего Кларин немедленно будет отправлена за решётку за проституцию, сопротивление полиции и ещё многие мыслимые и немыслимые грехи. Ну а если поведёт себя благоразумно, то подруги её - какие ещё у неё в столице могли быть подруги?! - подруги её просто умрут от зависти. Кларин была юнна, пуще смерти боялась тюрьмы. А потому безропотно согласилась.

И у неё началась жизнь, которую и жизнью-то не назовёшь. Материально она ни в чём, правда, не нуждалась, зато свободу утратила, вместе с оной потеряв заодно и право на достоинство, самостоятельность, возможность выбора. Берг стал чувствовать себя с ней прямо как хозяин. Он купил ей шикарную квартиру, но сам имел ключ и часто предлагал его некоторым своим друзьям. Таким образом любой человек, нужный Бергу, не говоря уже о нём самом, имел доступ в “её” квартиру в любое время дня и ночи. Кларин в обязанность было одно-

значно вменено прислуживать и угождать незванным гостям. Работы она не боялась, но вот “угождать”... это уже было слишком! После каждого такого визита хотелось скинуть одежду, нырнуть в ванну и смывать, смывать, смывать с себя липкую и противную грязь, которой её в очередной раз заляпали. Но, впрочем, как было отмыться-то? Она хорошо понимала, что является всего лишь игрушкой в руках Берга, его собственностью. И если нынешнее положение Кларин и отличалось от прежнего, то только несоизмеримо большей степенью рабства...

- Кларин, я вас, кажется, предупреждал уже. Я не должен вас ждать. Никогда!

- Да, шеф. Простите меня. - тихо сказала Кларин.

Она уже приняла свою обычную в таких случаях позу - низко опущенная белокурая головка, прикушенная нижняя губа. Началось... Кажется, не на шутку рассердил Рагнера этот индюк Берг.

- Да я просто выгоню вас отсюда, негодница. Вышвырну к чёртовой матери - мне уже порядком надоело! На работе нужно заниматься работой, а не своим туалетом! - В руках Кларин держала зеркальце и губную помаду - не успела положить в стол.

Кларин жала руки так, что побелели костяшки пальцев. На глаза навернулись слёзы, а непослушная прядь светлых волос оттенила ещё более отчётливо зарумянившиеся щёки. Во рту вдруг почувствовался солоноватый привкус крови - наверное, прокусила губу. “Это конец, конец всему.” - Думала она. Несмотря на то, что жизнь её была несладкой, в тюрьму ей всё равно не хотелось.

Рагнер постепенно приходил в себя, становясь таким, каким его привыкли видеть коллеги - солидным, степенным. Подчёркнуто любезным голосом он произнёс:

- Будьте добры, Кларин, приготовьте чашку кофе. А потом можете привести себя в порядок.

Её начало знобить. Давало о себе знать длительное перенапряжение. Не отдавая себе отчёта в действиях, Кларин вышла из кабинета комиссара и устремила к выходу. Девушку душили рыдания, но она всё ещё пыталась их сдерживать. Героические эти усилия не привели ни к чему, и вскоре слёзы из глаз полились рекой; а на душе стало очень мерзко.

Кларин даже и в голову не пришло прибегнуть к помощи лифта: она стала спускаться по лестнице - сперва медленно, потом всё быстрее и быстрее...

Выбежав на улицу, Кларин даже не почувствовала обжигающе холодного ветра. Ничего не видя перед собой из-за слёз, она бросилась через проезжую часть к набережной - к казавшемуся спасительным гранитному парапету. Лучше уж так, думалось ей, теперь уж всё равно...

Вдруг до её сознания дошёл отчаянный визг тормозов, и, следом, в адрес Кларин полетела отборная брань. Но от того её решимость только возросла. Она не остановилась ни на миг, даже не обернулась. Она уже бежала по гранитным ступенькам вниз, к воде...

- Стой! Да куда ж ты, дура?! - Кто-то догонял её, перескакивая через две ступеньки.

- Ну чего вам от меня нужно? Чего вам всем нужно от меня?! - Не выдержала Кларин. Она стояла уже у самой воды, повернувшись зарёванным лицом к своему преследователю.

Перед ней был молодой человек, одетый в красную тенниску и джинсовые брюки. Судя по выражению лица, это был водитель, который только что чудом успел затормозить машину и спас, тем самым, ей, Кларин Ньюбротен, жизнь.

- Тебе жить надоело? - Да! Надоело! Да, да, да! Зачем мне такая жизнь, зачем?! - С остервенением выпалила она и вновь зашлась в рыданиях. - Ну хватит. Прекращай истерику. - Сказал незнакомец, неожиданно

переходя на спокойный и властный тон и протягивая девушке свой носовой платок. - Замёрзнешь здесь, простудишься... Да и мне так стоять не очень-то... - Поёжился он - А ну-ка, пойдём в машину. Только поживее. А то меня оштрафуют чего доброго за стоянку в неположенном месте. Не оборачиваясь, незнакомец быстро зашагал к своей тёмно-синей “вольво”, стоявшей с распахнутой дверцей рядом с самым бордюром. Кларин застыла в разду-

мье. Ей очень сильно хотелось неподчиниться такому нахальному, самоуверенному типу. Но она ничего не могла с собой поделать.

- Пойдите, а вы собственно... кто? - Меня зовут Ларссон, Андерс Ларссон. - Бросил но через плечо.

Кларин пожала плечами и покорно поплелась за своим спасителем, низко опустив голову и на ходу вытирая слёзы.

Г л а в а 13

В двадцать три часа сорок минут к ресторанчику “Ориент” стали со всех сторон подъезжать полицейские машины. Механизм проведения облав был хорошо отлажен и всякий раз действовал без сбоев. Каждый его самый мельчайший винтик - любой патрульный досконально знал свою роль. Поэтому комиссару Рагнеру, загодя выбравшему очень удачное для наблюдения место, особенно волноваться и не приходилось.

И вот когда одни полицейские оцепили входы, а другие прошли внутрь ресторана, комиссар, отшвырнув окурки, перешёл улицу и последовал за ними.

В небольшом, замызганном зале несчастного восточного ресторанчика уже всюду царила полнейшая сумятица. Всё шло по привычному сценарию. Девочки несложного поведения, бывшие тут в изобилии великом, испуганно метались между столиками, кое-где задевая посуду и кушанья, и, вдобавок, ещё истошно визжали при этом. Оркестрик разом прекратил играть. На лицах клиентов - в подавляющем большинстве лица были восточного типа - отражались недоумение, страх, возмущение - каждый реагировал на происходящее в соответствии с собственным темпераментом и в меру опьянения.

- Всё идёт по плану, шеф. Люди предупреждены о возможном применении оружия. - Доложил Берг.

- Вот и слава Богу! Не думаю, что операция отнимет у нас слишком много времени. Надеюсь, вы не забыли напомнить, чтобы люди особо тщательно искали “Смит энд Вессон”.

- Ну конечно.

- Чудесно. Седерстрём здесь? - А как же. На улице, в машине.

- Вот и пусть посмотрит, как надо работать. Сегодня наконец-то должен наступить решительный перелом во всём ходе расследования. Не так ли, Берг?

- Н-ну... Простите, шеф, не найдётся ли у вас спичек? Тем временем полицейские делали своё дело. Кого-то уже вели к вы

ходу. Некоторые отчаянно сопротивлялись при этом. Операция близилась к концу. В зале становилось всё больше людей в тёмно-синих униформах, перепоясанных белыми португепями.

Рагнер вышел на улицу. Он без труда обнаружил неподалёку автомобиль Седерстрёма. Сам инспектор стоял рядом и, облокотившись на кузов, курил, спокойно наблюдая за происходящим.

“Надо ж, как в театре!” - Зло подумал комиссар и направился к нему.

- Добрый вечер, инспектор. Что-то последнее время мы стали с вами редко видеться. Вы не находите?

- Скорее доброй ночи, комиссар. Ещё бы нам с вами часто видеться.

Вы так заняты, ушли в дела с головой. Скажите мне откровенно: вы что же, действительно верите во всю эту глупость?

- А почему бы и нет? Извините, коллега, но по-моему у вас напрочь отсутствует профессиональный нюх. Обидно. Но, конечно, это дело наживное; со временем вы его обретёте.

- Возможно, комиссар. Но вспомните перестрелку в кафе “Эльф”, что в Старом городе. Кажется, тогда вы тоже были полны надежд на успех. Но курды, арестованные столь дорогой ценой, оказались совершенно непричастными к убийству премьер-министра. Вы же первым

и убедились в их стопроцентном алиби. Поймите, комиссар, вы столько времени ведёте следствие по ложному пути. Это может плохо кончиться; для вас прежде всего.

- Не ошибается тот, кто ничего не делает.

- Ну безусловно! Только ошибка ошибке рознь. Вы своими, между прочим, понапрасну бросаете тень на тысячи людей, на целую общину. Почитайте сегодняшний “Экспресс”... Вот, - Седерстрём вытащил из кармана и расправил газету, - вот, читайте: некий Абдула Абаз - “...после убийства Улафсона я не раз слышал, как в след мне бросали: “террорист”. Я был вынужден оставить работу. Нет, мне никто не угрожал, но больше я так не мог.” Вот плоды ваших “ошибок”, комиссар. В газетах каждый день пишут про “курдский след”. Так что этот Абаз - не единственная в своём роде жертва вашей идефикс. Я бы на вашем месте не стал забывать, что потерю такого лидера, каким был Таге Улафсон, вполне можно назвать национальной трагедией. Поэтому, стоило вам выпустить джина из бутылки, люди стали чисто инстинктивно переносить ненависть на всех, подчёркиваю, на всех турецких эмигрантов. Ну и кому это выгодно?

- По-моему вы просто возомнили, что выступаете в парламенте. Не забывайте - пока мы с вами просто полицейские.

- Так вы бросаете тень и на полицию! Уж если нам доверенно искать убийцу, то дело нашей профессиональной чести - найти его. Найти, а не заниматься беззаконием, травлей и стравливанием людей. Где доказательства причастности курдов? Где хоть одна весомая улика, хоть какая-нибудь зацепка? И в то же время вы ничтоже сумняшеся оставляете без внимания то, что действительно его заслуживает. Получается, что вся наша группа служит одной единственной цели - вашей карьере. Не слишком ли?

- К вашему сведению, я и ищу сейчас улики и зацепки. Ищу пистолет “Смит энд Вессон”. И, можете быть уверены, найду! Эй, ребята! - Крикнул он полицейским, занимавшимся облавой. - Девок не брать! Пусть этим занимается полиция нравов - мы с вами не за тем приехали. - Он опять повернулся к Седерстрёму. - Мне искренне жаль, Аке...

И в этот самый момент комиссара окликнули. - Что случилось, Ульф? - Господин комиссар, там у одного турка... нашли “Смит-Вессон”.

Комиссар Берг послал меня срочно оповестить вас. - Спасибо, Ульф. Вы принесли хорошую весть.

Рагнер посмотрел на Седерстрёма как победитель - “Ну что - съел?!” - Видите, инспектор, вот вам и улика. И спокойно, с чувством

собственного достоинства, комиссар направился в ресторан, по пятам сопровождаемый полицейским и Седерстрёмом.

Г л а в а 14

- Послушайте, адмирал, ради всех святых оставьте вы эту вашу девичью стыдливость, ладно? В руководстве фирмы я новый человек, однако прекрасно знаком с механикой всех процессов. Так вот, если Улафсону удалось в своё время выйти сухим из воды, то у вас-то, адмирал, вряд ли что-нибудь получится. И знаете почему? Потому что выходит что вы, государственный служащий достаточно высокого ранга, с потрохами продались “Ф-форс” и фактически получали зарплату из нашего кармана. Это всё - конец карьеры, понимаете? Покойного премьера нам так основательно зацепить никак не удавалось. Откровенно говоря, мы особо и не пытались. Капризы большой политики играли на нас, и в том не было большой необходимости. Только вот, к глубочайшему сожалению, до поры до времени... Потом покойник стал просто невыносим... Ну а потом, потом он стал покойником... Извините ради Бога за бездарную игру слов, адмирал... М-да... Так о чём мы? А-а... так это действительно конец вашей карьеры, поскольку никто вам не простит, Ингвар. Улафсону может ещё и простили бы, а вам нет.

Мартин Карлсон, новый исполнительный директор концерна “Ф-форс”, утопал в кресле, вполне достойном украшать собой роскошный кабинет инспектора по контролю за вооружениями Ингвара Шённена, и с самым безмятежным видом курил сигару. Его собеседник, хозяин кабинета, сидел в таком же кресле и отрешённо смотрел на расставленные на шахматном столе затейливые фигуры. Сторонний наблюдатель, не знавший, о чём говорят эти люди, мог заключить, что встретились два приятеля, знакомые друг с другом ещё со школы, и мирно беседуют о погоде, о превратностях семейной жизни или о ходе хоккейного первенства...

- А если я всё же заговорю, Мартин? - Спросил адмирал, не меняя позы. - Вот так - плюну на всё и заговорю! Вы ведь не продумали такого варианта, сознайтесь? Честь - это ответственность человека перед обществом. И, допустим, вы смогли лишить меня её. Но ведь вы не в силах лишить меня совести. И я так больше не могу! Не хочу собственными руками полнить реки крови. Не хочу преступать закон, брать грех на душу из-за вашей, Мартин, личной наживы.

- Положим, и из-за вашей, Ингвар, наживы тоже. Нечего передо мной изображать оскорблённую невинность. Так ну-ну!.. Извините, что перебил.

- Я ведь многое знаю.

- Уж это точно, многое... Ну так и что? Покойный премьер-министр знал не меньше вашего, ведь так?

- Ну конечно, теперь это ваш главный козырь. Арбен все уши прожужжал правительству - мол, Улафсон всё знал. Подразумевается: знал и одобрял. Очень прозрачный намёк, который и дураку понятен.

Какое-то время они сидели молча. Первым тишину нарушил Карлсон. - Ингвар, мы с вами заговорились и совсем забыли про партию. Меж

ду тем вы делаете очень неудачные ходы: сначала потеряли королеву, а теперь вот... - и он сыграл ладьёй, - ... без боя отдаёте пешку на съедение моей туре. Я вас совсем перестаю понимать... Однако чего же добился Улафсон в своей жизни? - Продолжал глубокомысленно рассуждать он после небольшой паузы. - Да, конечно, его молитвами Макс Арбен оказался на самом острие правительственного расследования - нет слов, штука неприятная. Но и не самая страшная. Вам, надеюсь, нет необходимости объяснять почему. Ну и напоследок, перед тем, как уйти в мир иной, премьер сорвал поставки оружия в ряд стран. Поразмыслите трезво, и вы поймёте, что это - не более, чем мелкая пакость. Не уровень премьер-министра! Самого его теперь нет в живых, и некому больше бросаться снежками во взрослого дядю. Вы, Ингвар, не в счёт. Какой вам резон? Вот подумайте хорошенько и предоставьте-ка для начала нам свободу в предстоящей оманской операции. Тем более, что речь-то идёт о пустяковой партии - ну вы не хуже меня знаете все обстоятельства... Ваша совесть не должна от этого сильно пострадать. Тем паче - честь. Если мы с вами поладим, то “Ф-форс”, как вы понимаете, в долгу не останется.

- Ну а если не поладим? - Да не будьте вы таким наивным. И не старайтесь казаться глупее, чем вы есть на самом деле!.. Простите, адмирал, но вы просто начинаете выводить меня из себя. Вы ведь, Ингвар, прекрасно понимаете, что мы всё равно изыщем способ обойти вас. Кому от этого будет лучше? Вы настроите против себя весь военно-промышленный комплекс страны. Что может быть хуже для человека, занимающего пост инспектора по контролю за вооружениями? Я предлагаю вам любовную сделку. Право же, у вас только и остаётся, что ударить со мной по рукам.

Шённен встал, подошёл к бару, выбрал бутылку вина, налил бокал до краёв и залпом выпил.

- Вы кончили, Карлсон? Прекрасно. А теперь будьте любезны выслушать меня. Я не знаю, что было бы, если... если бы не погиб премьер-министр. Я безгранично уважал этого человека. Просто я считал его через чур резковатым в своих поступках. И это нередко мешало нам ладить. Но ведь он был личностью. Вы понимаете меня, Мартин? - личностью! И вот однажды

- это случилось в нашем посольстве в Багдаде - Улафсон принял бой. Как капитан маленького судёнышка, смело смотрящий в лицо опасности, прекрасно осознающий, чем может обернуться сражение с вами - с Арбеном, с Молином и прочими акулами. Тогда я тщетно пытался отговорить его. И мне стало ясно, что моё место на мостике рядом с ним. Я поклялся себе, что сделаю всё возможное, чтобы вывести вас на чистую воду. Какого бы это позора мне не стоило, ибо ещё большим бесчестьем станет моё молчание. Вы забыли, что я всё-таки офицер, Карлсон. Но сегодня я, Ингвар Карл Шённен, даю вам слово офицера, что завтра же всё, содеянное мною и вами, станет известно всем. Я решил окончательно и бесповоротно. Вот и всё, что хотелось вам сказать напоследок, господин исполнительный директор. А теперь прощайте. И извините, но руки я вам не подам. Она у вас по локоть в чужой крови.

- Ну к чему, право, так витийствовать, адмирал?.. Мне искренне жаль, Карл, что нам с вами так и не удалось найти общего языка. Что ж, прощайте.

Карлсон вышел, а Шённен ещё долго смотрел на дверь. Затем встал, накинул пальто, подошёл к телефону и набрал домашний номер.

- Мария, я еду. Только я немного выпил сегодня, поэтому на машине не поеду. Нет, не надо такси. Я лучше прогуляюсь. Буду где-то через полчаса. Жди.

Повесив трубку, он накинул шарф на шею и вышел из кабинета, привычно захлопнув дверь. Потом неспешно спустился по лестнице, миновал проходную и оказался на улице.

Наслаждаясь свежим воздухом, Шённен направился к ближайшей станции метро. Она находилась совсем неподалёку, в парке, всего в нескольких минутах ходьбы.

В светлом и просторном холле было многолюдно. В парк съезжались отдыхать - ведь рабочий день у большинства горожан уже закончился. Мимо, куда-то спеша, пробежал парень, сильно задев адмирала плечом. И даже не удосужился извиниться. Не иначе, как на свидание опаздывает - вот и летит точно на пожар. Хорошо, когда вся жизнь ещё впереди.

Шённен машинально достал никелевую монетку и, кинув её в приёмник автомата, прошёл внутрь. Из гигантской трубы тоннеля приятно потянуло душноватым теплом. А ведь здорово, что сегодня не поехал на машине. Он стал уже забывать, что такое метро - высокий пост напрочь отучил от поездок в городском транспорте. Шённену вдруг пришла на память молодость. Учёба в военно-морском корпусе. Затем служба на флоте и первый дальний поход. Вспомнилась радостная торжественность свадьбы, рождение первенца - девочки. Перед глазами вставали всё новые картинки из прошлого, жизнь проходила как кинолента, шаг за шагом, этап за этапом - вино ли выпитое было тому причиной?.. А вот Шённен впервые, в новенькой форме адмирала королевского флота, вступает в свой кабинет в министерстве иностранных дел. Отныне и он тоже в центре политики - здороваются за руку с министрами, представлен семье Его Величества. Гордость переполняет сердце...

Адмиралу вспомнилось, как впервые в своём новом качестве он приехал домой, в маленький городок Лонбю, самый заурядный, самый заштатный на всём юго-восточном побережье. Обычно не очень-то щедрые на проявление чувств, земляки устроили ему тогда пышную встречу. А какой радостью светились глаза отца, который гордо держал в руках увесистую пачку газет и журналов, в которых был напечатан портрет Ингвара Карла Шённена. Тогда адмирал был полон сил и энергии, и всё ещё было впереди. "Сынок, мы все надеемся на тебя." - Сказал ему отец... Надеемся...

Хм, а оправдал ли он их надежды? Надежды отца, матери, жены, детей? Надежды всех этих людей, наконец, спешащих куда-то по своим делам? Теперь этот вопрос мучил его, и адмирал, как ни старался, не мог дать положительный ответ. Боже, как тошно вдруг стало на душе. "Я подлец, люди! Да, я подлец и преступник!" - Хотелось закричать на всё метро, на весь город, на весь мир...

"А может тебе лучше уйти, старина?" - Спросил Шённен сам себя. Наверное, это самый правильный выход. Да, решение непростое - достанет ли мужества на такой шаг? Но, пожалуй,

ещё большего мужества потребует задуманное на завтра. Ну конечно, уйти из жизни можно будет только тогда и только тогда, когда он раскроет противозаконные махинации с продажей оружия. Адмирал не имеет права унести с собой всё, известное ему.

И ещё. Прежде чем он вложит роковой патрон в обойму, он обязан попрощаться с семьёй. Причём так, чтобы домашние ничего не почувствовали. Хотя их нелегко будет обмануть. Особенно Марию, которая за долгие годы совместной жизни научилась видеть мужа насквозь.

От платформы в зияющую пасть тоннеля унёсся с весёлым шумом очередной поезд, и, скрываясь за невидимым поворотом, озорно подмигнул напоследок огнями. Шённен посмотрел на часы. За время, прошедшее с того момента, как он покинул кабинет, можно было, как минимум, дважды добраться до дома. Всё! Надо ехать! Мария, верно, заждалась совсем.

И электричка не заставила себя долго ждать - вскоре послышался её нарастающий из глубины тоннеля рёв, и в лицо снова ударила тугая тёплая волна. А вот и огоньки блеснули вдали. Подсознательно подчиняясь некоему трудноописуемому закону пассажирского нетерпения, Шённен сделал шаг вперёд, когда головной вагон поезда уже катил по рельсам, проложенным в вестибюле станции, по очереди извлекая другие из чёрного чрева тоннеля. Вдруг адмирал почувствовал, что кто-то жёстко, со всё нарастающей силой подталкивает его к краю перрона.

Всё произошло в доли секунды: Шённен ещё инстинктивно пытался некоторое время сопротивляться неведомой силе, однако последовал мощный, плавный толчок, и адмирал полетел вниз. Последнее, что успел увидеть в своей жизни Ингвар Карл Шённен - это искажённое каким-то неестественным, почти детским испугом лицо машиниста, и безжалостно надвигающийся на него слепящий свет фары поезда.

Г л а в а 15

Новый премьер-министр страны - политический преемник Таге Улафсона Густав Сандквист нервно барабанил пальцами по полированной поверхности своего рабочего стола. Перед ним возвышалась стопка документов, с которыми он только что внимательно ознакомился.

Справка, подготовленная специально для премьера Стигом Сваллингом, руководителем прокурорской группы, специально назначенной для наблюдения за ходом расследования убийства Улафсона, бесстрастно свидетельствовала: главный след, по которому почти год упорно вёл следствие - почти полторы сотни полицейских - комиссар Рагнер, завёл в тупик. В то время, как руководитель следствия сосредоточил огромные усилия на исследовании “курдского следа”, другие версии практически не изучались - попросту им игнорировались. Кроме того Сваллинг докладывал, что в процессе работы Рагнер позволил себе “некоторые противозаконные действия по отношению к иностранным гражданам курдской национальности.” Но тут предстояло ещё особое разбирательство.

Рапорт заместителя комиссара - Седерстрёма был очень эмоционален. И Сандквисту нравилась напористость инспектора. В документе премьер ясно видел неоспоримые доказательства вопиющей некомпетентности начальника следственной группы и некоторых его подчинённых, полную несостоятельность официальной рабочей версии. Прочитав рапорт, Сандквист по достоинству оценил весомость результатов, которые инспектор получил скорее вопреки воле Рагнера - на свой страх и риск. Эти результаты открывали перед следствием хоть какие-то перспективы. Короче говоря, по прочтении рапорта премьер-министр от души порадовался как человек. Но столь же искренне ужаснулся как политик.

Доклад муниципального советника Густава Мальма, довольно пухлый по объёму, совершенно не был отмечен искрой Божьего таланта. Впрочем Сандквист уж больно хорошо знал автора, чтобы ждать от него чего-то большего. Зато тяжеловесные выкладки Мальма могли служить прекрасным подтверждением истинности выводов, однозначно следовавших из двух предыдущих документов.

Кроме этого премьер-министру пришлось изучить основные материалы, накопленные следствием, и сопутствовавшие им краткие пояснительные записки. Сандквист неплохо разбирался в огнестрельном оружии, и потому смог по достоинству оценить вывод специалистов, уверенных, что преступник исключительно профессионально подготовил себе оружие, стремясь не оставить Улафсону никаких шансов, даже будь на нём и пуленепробиваемый жилет. Подивился он странным противоречиям в показаниях двух важных свидетелей - Керстен Хокансон и Пера Блюма - когда сравнивал два фоторобота. Кому ж всё-таки верить?

Итак, выводы из лежавших перед Сандквистом документов были более чем недвусмысленными. Премьер-министр и сам давно чувствовал, что следствие безнадёжно пробуксовывает. Крайне необходимо было придать ему новый импульс. Для обсуждения этого вопроса Сандквист и проводил только что совещание членов кабинета за закрытыми дверями. Высказывания были самыми разными, но смысл их сводился к одному: необходимо срочно отстранить комиссара Рагнера от руководства специальной следственной группой.

Премьер посмотрел на часы - стрелки клонились к двенадцати. Поздновато, конечно. Сандквист протёр очки в тонкой металлической оправе, поправил свою пышную рыжую шевелюру, потуже затянул галстук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.